

ВИКТОР УМАНСКИЙ

БОРЬБА

ИЛИ

БЕГСТВО

Виктор Уманский
Борьба или бегство

«Издательские решения»

Уманский В.

Борьба или бегство / В. Уманский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-900099-6

Что вы сделаете, если здоровенный хулиган даст вам пинка или плюнет в лицо? Броситесь в драку, рискуя быть покалеченным, стерпите обиду или выкинете что-то куда более неожиданное? Главному герою, одаренному подростку из интеллигентной семьи, пришлось ответить на эти вопросы самостоятельно. Уходя от традиционных моральных принципов, он не представляет, какой отпечаток это наложит на его взросление и отношения с женщинами.

ISBN 978-5-44-900099-6

© Уманский В.
© Издательские решения

Содержание

Часть 1	6
1	6
2	18
3	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Борьба или бегство

Виктор Уманский

Редактор Марина Тюлькина

Дизайнер обложки Сергей Фурнэ

© Виктор Уманский, 2018

© Сергей Фурнэ, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4490-0099-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1

1

С момента моего поступления в гимназию прошло уже целых два года, а катастрофы до сих пор не случилось. Это можно было считать большой удачей, но в то время я не придавал значения этому факту.

Проблемы ходили за мной по пятам и потихоньку отъедались. К 2007-му они уже представляли собой сытых тварей, поглядывавших на мой подростковый затылок по-хозяйски. Почему на затылок? Да потому, что я старательно отворачивался, всю отрицая само их существование. Виной всему могли быть мелкие, не связанные между собой неудачи... ведь так? Ну да – так. Так мне казалось в мои двенадцать.

Но обо всем по порядку.

С детства, в любом коллективе сверстников, я привык чувствовать себя первым. В детском саду у нас уже были какие-никакие занятия по арифметике и русскому языку, и задачки, другим детям дававшиеся со скрипом, я решал раньше, чем нам успевали дочитать условие. Более того, иногда я разбирался в этих задачах лучше воспитателей, благодаря чему некоторые из них стали меня недолюбливать.

С логопедом у меня тоже сложились особые отношения. На первом же занятии я легко прочитал и проговорил всё, начиная с простых слов и заканчивая скороговорками, и перешёл к заумной беседе о том, как именно следует развивать речевые навыки у детей. Сверстников я не считал ровней нам – взрослым и умным людям.

Начальная школа, в которую меня отдали родители, считалась в районе самой продвинутой. В том числе благодаря нашей первой учительнице, пользовавшейся авторитетом едва ли не гениального педагога. Именно в её голове экспериментальная программа Эльконина-Давыдова¹ мутировала, превратившись в скользкого гада. Мы с одноклассниками не просто учились бок о бок: мы конкурировали. И универсальной турнирной таблицей стали для нас построения вдоль доски.

В конце каждой четверти Любовь Валерьевна выстраивала нас «в порядке убывания ума». Прохаживаясь вдоль этого ряда, она декламировала речь:

– Рыбников, ты в этой четверти скатился на две позиции. Даже Колодкина тебя обошла! И не стыдно тебе?

Колодкина сама постоянно оказывалась в конце ряда, и я качал головой: дальше падать Рыбникову было уже некуда. Интересно, о чём он думал?.. Впрочем, наверно, о каникулах... Ведь каких ещё мыслей можно ожидать от тех, кто не способен продвинуться хотя бы до середины ряда!

Сам я неизменно оказывался в самом начале, на первом или втором месте. Здесь моим конкурентом традиционно был Чехович. Его способности к математике меня впечатляли и заставляли относиться как к равному себе. Остальные одноклассники такой чести не удостоились.

Во втором классе у нас появилось несколько старост, и я, конечно же, стал самым главным старостой. К этому времени собственная уникальность уже не вызвала у меня сомнений, а родители и учителя лишь укрепляли подобные взгляды. Мелькала мысль, что другие дети,

¹ Образовательная программа Д. Б. Эльконина и В. В. Давыдова для начальных классов разработана в качестве альтернативы традиционной программе обучения. Считается развивающей.

а особенно, те, кто по умственным способностям плёлся в конце класса, должны гордиться общением и дружбой со мной – старостой и несравненно более умным человеком.

После третьего класса мы переходили сразу в пятый – особенность сокращённой программы. Я пришёл в московскую гимназию, ослеплённый собственным великолепием. Помимо отличных способностей, гордость вызывала и моя внешность. Я был высоким и худым, но главное, что лицо смотрелось мужественно: волевой подбородок, прямые скулы, нос с горбинкой. Тёмно-русые волосы я ерошил рукой, чтобы причёска выглядела одновременно небрежно и стильно.

В классе нашлись двое ребят, заслуживших если не моё уважение, то, по крайней мере, дружелюбие. Никита, красавец и спортсмен, получал одни пятёрки и мастерски забрасывал трёхочковые. Он беспрестанно отпускал шутки и быстро стал любимцем девочек и учителей. Дима, по моей оценке, был «немного поглупее», но обладал своеобразным чувством юмора – добрым и слегка безумным. Я решил, что такая компания заслуживает главного украшения – меня самого, и стал держаться рядом. Дима с Никитой не возражали.

В остальном отношения с окружающими складывались не столь гладко. Мысленно я по привычке выстраивал класс у доски «по уму», и в самом начале оказывались мы с Никитой, а потом уже все остальные одноклассники, большая часть которых пришла из общеобразовательных начальных школ. Но несмотря на разрыв в знаниях, они почему-то не торопились падать ниц и признавать моё превосходство. И здешние учителя, в отличие от Любови Валерьевны, их к этому не склоняли. Видя моё высокомерие, одноклассники один за другим начинали меня игнорировать. Мне оставалось лишь посетовать на их отсталость и уйти, задрвав подбородок.

У Никиты с Димой таких проблем не возникало, и отношения с классом у них установились ровные. Хотя это и служило очередным (уже избыточным) доказательством моей уникальности, а всё же таки злило.

Через пару месяцев все притёрлись друг к другу, и те, кто раньше меня избегал, начали проявлять неприязнь открыто. В мою сторону полетели насмешки и оскорбления. Поведение школьников из «задней части доски» приводило меня в ярость. Я отвечал, находя слабые места и уязвляя острым словцом. Для пятиклассника это получалось у меня виртуозно.

За первый год в гимназии я успел рассориться и с учителями, безжалостно высмеивая любые их просчёты. Любыми способами я старался выставить их в глупом виде перед всем классом, и зачастую мне это удавалось. Когда такое происходило, я неизменно гордо оглядывался по сторонам: очевидно, победа над учителем должна была повышать авторитет в глазах одноклассников. Правда, особого авторитета я почему-то не добился, если не считать, что по фразе «тот самый хам» вся школа теперь безошибочно определяла, о ком идёт речь. За пятый и шестой класс я незаметно для себя превратился из всеобщего любимца, коим привык быть в детстве, в изгоя.

В отношениях с родителями также появились серьёзные трудности. Моя дерзость проявлялась и раньше, но всё же я был ребёнком, и они могли меня контролировать. Теперь же я стал совершенно неуправляемым. Я дерзил и грубил, но всё же побаивался – особенно, отца. Он умел здорово прикрикнуть, и это действовало – как минимум, заставляло меня замолчать.

Трудности в семье, как и все остальные, я объяснял просто: несовершенством мира и окружающих.

* * *

В седьмом классе у нас появился новенький по имени Глеб Кадыков. Громадный: на полголовы выше меня и раза в полтора тяжелее. Его рыхлое лицо покрывала отвратительная сыпь из прыщей, а чёрные волосы, мытьём которых он себя редко утруждал, свисали патлами, оставляя сальные пятна на плечах пиджака. Но под дряблой кожей бугрились мышцы, и на уроках физкультуры Глеб вскоре стал одним из лучших. На этом его успехи в учёбе заканчивались,

и по остальным предметам он получал двойки – главным образом из-за непроходимой лени. Но тупым он не был, о нет! С ужимками и подхалимажем охаживал он учителей, убеждая, что берётся за учёбу – с завтрашнего же дня. Слова подкреплялись неприкрытой лестью. Со стороны она смотрелась топорно, но, как ни странно, работала... на женщинах. С мужиками было посложнее, но сколько их в школе... ОБЖ да информатика – это Глеб мог пережить.

Мало-помалу Глеб начал устанавливать в классе свои порядки. Первым под удар угодила Серёжа. Терпеливый, задумчивый, да и в целом – весьма странноватый, он один из немногих до сих пор относился ко мне неплохо. Мы с Никитой и Димой иногда посмеивались над ним, но по-доброму, а вот Глеб подошёл к делу иначе. Он начал задевать Серёжу, и шутки его становились всё злее. Вначале – обзывательства, потом – затрецины и пинки. Глеб не скрывался, шпыняя Серёжу на глазах у одноклассников и учителей. Очевидно, кто-то вот-вот должен был вмешаться и прекратить это безобразие. Но месяц тянулся за месяцем, а шоу унижений Серёжи продолжалось и даже начало восприниматься как нечто естественное.

Я так никогда и не пришёл к этому. Не принял унижения другого как норму. Из книг я усвоил: никому не дозволено обижать слабых, а друзья должны поддерживать друг друга. Только вот вопрос: как реализовать это полезное правило? Что именно сделать? И почему я? Ведь все молчат! А ведь Серёжа мне не большой друг, чем тому же Никите или Диме.

Я решил выждать и выбрал пассивную форму протеста: время от времени отпуская едкие шутки в адрес Глеба. Тот посмеивался, но не отвечал.

День, когда ситуация переменилась, я прекрасно запомнил на всю жизнь.

Физичка вышла из класса, и Глеб с широкой улыбкой развернулся на стуле к Серёже.

– Эй, чмо! – лениво протянул он.

Серёжа разговаривал с Пашей, своим трусоватым соседом по парте. Он не ответил Глебу и хотел продолжить беседу, но Паша испуганно умолк и сжался – разговор прекратился.

– Слышь, я к тебе обращаюсь! Что это ты сегодня без пиджака?

Вчера Глеб вылил на Серёжин пиджак канцелярскую замазку – неудивительно, что сегодня этот пиджак остался дома. Глеб встал и вразвалочку подошёл к парте ребят. Потом резко замахнулся, и Серёжа неловко вскинул руки к голове, пытаясь прикрыться. Вместо удара Глеб схватил с парты Серёжин пенал и подкинул его в руку:

– Кто в волейбол?

– Принимаю! – Костя, вечный подпевала Глеба, выбежал к доске и встал в стойку, будто собираясь принимать подачу. Серёжа потерянно убрал руки от головы и снова повернулся к соседу, решив, видимо, не обращать внимания на происходящее.

– Серый, а ты с нами будешь? – Глеб со всей силы ударил Серёжу пеналом по макушке. Карандаши и ручки громко клацнули об голову.

Серёжа мучительно дёрнулся, затем машинально приложил руки к месту ушиба. Пара человек усмехнулись – начиналось привычное шоу. Словно во сне, Серёжа встал и вышел из класса. Глеб загоготал, изобразил волейбольный замах и отправил пенал к доске.

На происходящее я смотрел со странной смесью раздражения и смущения. Как Серёжа мог позволять так с собой обращаться? Развернуться и уйти, когда тебя унизили – жалкое зрелище. Родители часто говорили мне, что ничего не бывает просто так, и, если над человеком издеваются, значит, он сам дал для этого повод. Хотя бы неумением постоять за себя.

– Что, Глеб, физика – слишком сложно для тебя? Решил опять физкультуру устроить? – я подмигнул Глебу, и класс захохотал.

Да, шутка вышла отличной. Я наслаждался, ловя на себе взгляды. Глеб тоже рассмеялся, а потом крикнул «Лови!» и внезапно запустил пенал мне в голову. Я не ожидал ничего подобного и не успел ни увернуться, ни прикрыться. Пенал угодил прямо в ухо, тяжело клацнув ручками. Я чуть не задохнулся от боли и ярости, а все вокруг загоготали ещё сильнее. Кое-как выдавив кривую улыбку, я поднял пенал с пола.

– Ты лови! – я кинул пенал в голову Глебу, но бросок вышел косым. Глеб вытянул руку и ловко поймал пенал в полёте, а затем перебросил его Косте.

Одноклассники с интересом наблюдали за игрой. Я повернулся к Никите, и мы продолжили прерванный разговор. Но уже через минуту пенал внезапно с силой влетел мне в затылок. От неожиданности и обиды на глазах выступили слёзы; я резко развернулся. Глеб уже был рядом и поднимал пенал с пола. Вид у него был слегка виноватый.

– Ой, тебе больно было? – спросил он.

– Неприятно, – ответил я, постаравшись придать голосу недовольное достоинство.

– Всё, больше не буду. Извини, – Глеб протянул руку.

Я протянул свою. Взявшись за неё, Глеб резко рванул меня к себе, сдёрнув со стула, и ударил пеналом по голове. После этого он сразу отскочил подальше, хохоча. Весь класс покачивался со смеху вместе с ним. Мучительную секунду меня сжигали унижение и злость, но я всё же нашёл в себе силы засмеяться.

«Показать, что ничего серьёзного не произошло. И теперь уже не спускать с него глаз!»

И тут, наконец, вернулась физичка. Впервые я был рад её видеть.

– По местам!

Мне было беспокойно. Глеб ещё никогда не позволял себе такого поведения по отношению ко мне. Однако, скорее всего, это было лишь единичным эпизодом, случайностью. Я поглядывал на друзей – они никак не комментировали произошедшее. Наверно, это действительно выглядело как пустяк.

До конца дня Глеб больше не приставал ко мне, переключившись на вернувшегося Серёжу, и я потихоньку успокоился, но больше не пытался подкалывать Глеба.

На следующий день, на уроке истории, мне в голову сзади прилетела свёрнутая бумажка. Обернувшись, я увидел ехидные лица Глеба и Кости и показал им средний палец. После звонка, когда все собирали вещи, Глеб подошёл ко мне, вертя в руках ручку. Я уже застёгивал портфель.

– Мих, ты зачем мне свои пальцы показываешь? – задумчиво спросил он.

– А зачем ты бумажками кидаешься? – в тон ему ответил я.

– Ты видел, что это я?

– А что, не ты?

– Может и я. Но ты этого не видел, – он сделал паузу, и я пожал плечами. – Так что проси прощения.

– Что за бред. Пропусти, урок закончился, – я попытался обойти Глеба, но он закрыл проход своей массивной тушей в засаленном пиджаке. Одноклассники с интересом наблюдали за нами.

– Ты не уйдёшь, пока не попросишь прощения, – сказал Глеб, глядя прямо на меня.

Внезапно я осознал, что мне нечего противопоставить ему. Всегда казалось, что меня, столь блистательно умного и красивого, не могут коснуться подобные проблемы. Ведь было бы глупо даже сравнивать меня с примитивными и недалёкими созданиями вроде Глеба. Тем более, я дружил с двумя самыми популярными парнями в школе. Сейчас эти двое стояли в коридоре у дверей класса и прекрасно всё видели, но не торопились прийти на помощь. Я поднял руки и засмеялся.

– Окей, как скажешь! Я не видел, что ты бросил бумажку, так что прошу прощения за свой жест.

– Молодец, теперь можешь идти.

Глеб отступил в сторону. Я успел сделать пару шагов, когда неожиданно получил сильнейший пинок сзади. Я развернулся и заорал:

– Ты чего?! Я же извинился! – прозвучало это жалко.

– Извинился – молодец. А это на будущее.

- Глеб, ты совсем охренел! Ты что себе позволяешь?! – я всё ещё старался не терять лица.
- Следи за языком, Мих, а то снова извиняться придётся.

Я двинулся к выходу, но Глеб снова пнул меня со всей силы. Из глаз брызнули слёзы, губы скривились от подступающих рыданий. Я снова развернулся, сжимая кулаки.

- Оу, какие мы злые! – издевательски просюсюкал он. – Ну и что ты сделаешь?

Страх парализовал меня и приковал к месту. Такая ситуация случилась со мной впервые, и у меня не было ни малейшего представления, как себя вести. Глеб был совсем близко – огромный и уверенный в себе. Я вдруг понял, что не смогу причинить ему ни малейшего вреда. Он был непобедим, и любая моя попытка бороться могла лишь разозлить его.

– Не кипятись ты так, я же в шутку, – издевательски дружелюбно сказал Глеб и прошёл к выходу, оттеснив меня плечом. В коридоре его встретили смешками и похлопываниями по спине.

Секунд через десять я вышел следом, стгорая от стыда. Одноклассники смотрели с ехидными улыбочками, но ничего не говорили. Пройдя в рекреацию посреди коридора, я встал в углу и невидящим взглядом уставился в окно. Хотелось очутиться как можно дальше от школы и никогда не возвращаться сюда. Я ждал, что друзья подойдут и поддержат, но они остались со всем классом. Было слышно, как Никита травит шутки с Глебом.

Когда я видел унижения Серёжи, то был уверен, что такое уж точно стерпеть нельзя. Теперь всё было не так однозначно. Глеб был в несколько раз тяжелее, и я вряд ли смог бы хоть как-то навредить ему в честной драке. А нечестная пугала меня ещё больше: вдруг он разозлится и вовсе убьёт меня. Вернуть милость Глеба, перестать быть объектом его насмешек – вот чего мне хотелось больше всего на свете.

* * *

С того дня пребывание в школе превратилось в сплошной кошмар. Уроки даровали относительную безопасность, и Глеб мог только кидаться всякой дрянью и декламировать матерные стишки в мою честь. На переменах же он буквально открывал на меня охоту, и тут уже в ход шла вся его изобретательность. Он бил, пинал вещи, давал подзатыльники и пинки. Один раз он запихал мой рюкзак в мусорное ведро, и мне пришлось извлекать его оттуда, раздвигая руками оплётанные рваные листы бумаги и огрызки яблок.

Никита и Дима общались со мной по-прежнему. Но они общались и с Глебом – держали нейтралитет. Так же, как раньше весь класс держал нейтралитет по отношению к травле Серёжи.

До сих пор я не обращался за советом к родителям, стыдясь признаться в своей беспомощности, но теперь у меня не осталось других идей.

Мы засели на кухне. Рассказ дался мне нелегко: описывая перенесённые унижения вслух, я заново переживал их, а главное, окончательно и бесповоротно подтверждал их реальность. Под конец я совершенно измучился, но всё же изложил факты без утайки. Мама моя работала психологом, и я возлагал большие надежды на её профессиональные познания.

- В общем, не знаю, что делать, – я развёл руками и замолчал.
- Женя, что ты скажешь? – озабоченно спросила мама у отца.
- Я так понимаю, этот товарищ вообще любит шпынять людей?
- Да.
- Видимо, ждёт от тебя реакции. Ты обращаешь внимание на провокации, и ему интересно продолжать.

Я чуть не задохнулся от возмущения:

– Как я могу не обращать внимания, когда мне дают подзатыльник?! Это довольно заметно! А когда крадут мой портфель?

– Так, ты голос не повышай! – резко сказал отец. – Портфель вообще надо с собой носить, тогда его никто не отберёт. А по поводу остального... Наверно, изначально ты сам как-то спровоцировал этого Глеба? Иначе, почему он стал к тебе лезть?

– Не провоцировал.

– Ты же сам знаешь, что просто так ничего не бывает. Видимо, твоё поведение дало причину.

– А мне кажется, нам надо что-то сделать, – вновь заговорила мама. – Кто позволил одному ребёнку издеваться над другими? Давай я схожу в школу и поговорю с Ларисой Валерьевной.

Это была наша классная руководительница, по совместительству – учитель математики.

– Мам, ты что, думаешь, она этого не видит? Глеб не очень-то скрывается. И уроки Ларисы – не исключение.

– Если всё это делается перед учителями, а они не реагируют, может быть, ты преувеличиваешь серьёзность проблемы? – спросил отец.

– Вряд ли, – глухо ответил я.

– Надо искать разумные пути, – мягко сказала мама. – И самый разумный путь – это диалог. Мы можем собраться вместе с Ларисой Валерьевной, тобой и Глебом – и поговорить. Понять, откуда взялась неприязнь.

Здесь, на кухне, всё было привычным, настолько родным, что даже скучным. А главное – безопасным. Я знал: в этом доме меня никто не тронет. Сколько бы я ни ссорился с родителями, я был под их защитой.

Сейчас, сидя дома на кухне, я чувствовал себя в безопасности. Родители были рассудительны и спокойны, от них веяло уверенностью. В окружении привычных и скучных обоев, потёртой скатерти и стерильных манер, где самое серьёзное наказание – «мы с тобой не разговариваем», – было крайне трудно поверить, что в школе один человек избивает других. Идея не обращать внимания или устроить круглый стол с Ларисой – здесь исполнялась смысла. Я рассказал родителям всё – и теперь ход за ними. Не могут же они ошибаться в вопросе моей безопасности?

Факты говорили иное. Сейчас я и так старался быть невидимкой, не привлекать внимания, но это не останавливало поток издевательств. Подключение мамы скорее всего разозлило бы Глеба ещё сильнее, к тому же я выставил бы себя стукачом перед всем классом. Как ни заманчивы были эти пути, ступать на них было нельзя.

Раньше я всегда знал: каким бы скверным ни было моё положение, родители поругают, но помогут. Сегодня же мне впервые пришло в голову, что какие-то задачи могут оказаться им не под силу. Осознать, что помощи ждать неоткуда, было неожиданно тяжело.

– Не надо ничего говорить Ларисе. Будет только хуже. Я постараюсь сам как-то решить этот вопрос.

– Ты же говорил, что не знаешь, что делать, – сказала мама.

– Значит, подумаю ещё! Стучать – это точно плохая идея.

– Я предлагаю не стучать, а спокойно поговорить всем вместе.

– Хорошо, мам, я ещё подумаю над этим сам.

Ну, вот и всё. Возможности были исчерпаны. Оставалась лишь надежда: Глеб оставит меня в покое, и всё рассосётся само собой. За пределами этой надежды не было ничего, кроме обречённости.

Следующий день прошёл в обычном стиле: Глеб приставал, но обошлось без явных унижений. Перед уроком английского я вышел на минуту в туалет, а когда вернулся и открыл свой пенал, чтобы достать ручку, то обнаружил, что весь пенал внутри залит замазкой. Я невозмутимо закрыл его и выкинул в ведро.

Последним уроком шла история. На ней всегда творился полнейший бедлам, все орало и кидались чем попало. В меня несколько раз попадали бумажки и ластик, но я не обращал внимания, думая только о том, что учебный день совсем скоро закончится. За пять минут до конца урока в класс заглянула Лариса.

– А ну успокойтесь! Кадыков, сядь нормально! Сергей Павлович, они всегда у вас так себя ведут? Быстро достали ручки и начали писать!

Класс присмирел.

– После урока Кадыков и Савицкий – ко мне в кабинет.

Она вышла и закрыла за собой дверь.

Все снова начали орать, а я гадал, что же произошло. В том, что Лариса вызывала к себе Глеба, ничего странного не было – с его-то оценками. Ну а я тут при чём? Неужели она решила-таки провести беседу о нашем конфликте? Тогда я получу хоть какую-то поддержку, не став стукачом. Это было бы спасением.

Сориентироваться в ситуации нужно было раньше Глеба. Я собрал вещи заранее и сразу после звонка побежал на этаж ниже. Постучал в дверь кабинета Ларисы, вошёл. За двумя соседними партами сидели и разговаривали через проход Лариса и... моя мама.

– Мама?! Что ты здесь делаешь? – вскричал я. Ответ уже был мне известен.

– Спокойно, Миша! Присядь. Я пришла обсудить с Ларисой Валерьевной и вами вашу проблему.

– Но я же просил тебя не приходить!

– Знаю. Видишь, как получается: я пришла сама, ты меня не просил, так что никто не обвинит тебя в этом.

Я был совершенно оглушён. В класс вошёл Глеб. Он, как всегда, улыбался, но выглядел немного тусовато.

– А ты, должно быть, Глеб? – с улыбкой спросила мама.

– Да.

– Я мама Миши. Он рассказывал нам с мужем о том, что у вас возник конфликт, и я решила прийти, чтобы мы могли все вместе это обсудить. Садитесь.

Мы сели. Глеб смотрел невинным взглядом, я сохранял непроницаемое выражение лица.

– Давайте выслушаем всех по очереди, – сказала мама. – Расскажите, в чём у вас непонимание. Глеб?

– Да в общем-то нет никакого непонимания.

– Кадыков, отвечай нормально. Мы тут сидим не просто так, – вмешалась Лариса.

– Я не знаю, почему мы тут сидим.

– Ну хорошо. Миша? – спросила мама.

Я быстро пожал плечами.

– Миша, расскажи Ларисе Валерьевне то, что рассказывал нам с папой.

– Я не буду ничего рассказывать. Я просил тебя не вмешиваться в мои дела! – мой голос прозвучал неожиданно громко и плаксиво.

– Тише! Ты мой сын, и я не могу просто бросить тебя одного и не вмешиваться. Раз ты не хочешь, то я сама расскажу. Глеб, Миша говорит, что ты задеваешь его, толкаешь, ворует вещи. Это правда?

– Может, такое было пару раз в шутку. Я не думал, что его это так обижает.

– В школе есть дисциплина, Кадыков, и она едина для всех. Ты не имеешь права приставать к другим ученикам, иначе этот разговор мы будем вести уже с директором, – заявила Лариса.

– Уверена, это не понадобится, – улыбнулась мама. – Глеб, теперь ты знаешь, что Мише твои шутки неприятны, и будешь более внимательно следить за собой. Верно?

Он кивнул.

– Вот и отлично! Хорошо, что мы друг друга услышали. Пожмите друг другу руки. Я исподлобья глянул на Глеба. Тот с улыбкой протянул руку, и я пожал её.

– Можете идти, – сказала Лариса. Мы вышли из класса, а женщины остались разговаривать.

– Я не просил её приходить, – сказал я.

– Конечно, – с ехидной улыбочкой Глеб отправился вниз, в гардероб.

Придя домой, я закрылся у себя в комнате и не разговаривал с родителями. Мама поступила ужасно, и всё же меня не оставляла надежда: а вдруг она права? В конце концов, у меня ведь не было других вариантов. Глеб сказал, что просто не понимал, насколько мне неприятны его издёвки. Он сам протянул руку. Наконец, Лариса пригрозила директором, а Глебу с его успеваемостью проблемы не нужны. Он должен понять, что меня лучше оставить в покое и доставать кого-нибудь другого. Ложился спать я с надеждой на лучшее.

Когда на следующий день я зашёл в класс за минуту до звонка на первый урок, Костя зааплодировал, а девчонки прыснули в ладошки. Глеб сидел с извечной улыбочкой. Дима с Никитой уже сидели вместе. Пожав плечами, я невозмутимо уселся один за заднюю парту. Урок прошёл без особых происшествий, если не считать того, что Кадыков снова получил двойку. На перемене мне удалось выяснить у Димы причину бурного приветствия: Глеб потрундился прийти пораньше и рассказать всему классу о том, как Миша призвал на помощь свою мамочку. «Надеюсь, хоть ты не слушаешь эти бредни» – сухо буркнул я, внутри сгорая от стыда.

Если до разговора с Ларисой моя жизнь в школе была ужасной, то теперь она превратилась в ад. Глеб обозлился на меня, и удары сыпались градом. На физкультуре он до прихода учителя гонял меня пинками по залу. Из моего шкафчика пропала зимняя обувь – я ничего не сказал и пошёл домой в школьных ботинках. Зимние нашлись в луже у выхода из школы. При любой возможности Глеб декламировал матерные стишки в мой адрес, Костя подпевал ему, а остальные хохотали. Я делал вид, что ничего не замечаю.

Меня сковало отчаяние. Не видно было ни малейшего просвета, ни единого способа выбраться из этой трясины. Друзья – если их можно было так назвать – не могли меня защитить, а может, не хотели этого делать. Родители же только усугубили ситуацию. Снова обращаться к Ларисе было бесполезно: я лишь окончательно заклеюмил бы себя стукачом. Даже если бы она подключила директора, это, по сути, тоже вряд ли помогло бы. Особняком стоял путь – обратиться в милицию, но и он не внушал надежд. Как таковых, у меня не было травм, которые можно было бы однозначно зафиксировать, а уж про матерные стишки вообще никто бы слушать не стал. Да, последуют вызовы родителей в школу, новые беседы... Глебу грозило внушение, как максимум – постановка на учёт, да и то – вряд ли. А вот мне гарантировался вечный позор.

Унижения продолжались месяц за месяцем. Нервы мои натягивались всё сильнее. Несмотря на это, я старался сохранять внешнюю невозмутимость. Когда мне казалось, что срыв уже близок – приходили каникулы. В это время я не общался с одноклассниками и старался верить, что Глеб про меня забудет. Но учёба возобновлялась, а вместе с ней – и мои унижения. Из-за постоянного ожидания удара я стал по-настоящему дёрганым. Напряжение и страх преследовали меня везде и достигали пика при приближении к школе. Даже уснуть мне теперь было непросто, особенно если в помещении находился кто-то ещё.

Всю последнюю четверть мои мысли занимало одно: лето. Глеба угрожали выгнать из школы за плохую успеваемость, но это было бы слишком хорошо, и на такое надеяться не приходилось. Тем не менее, три месяца без него – это же целая вечность. Мечты об этом помогали мне продолжать терпеть. И я дотерпел: седьмой класс закончился.

* * *

Лето, помимо свободы от Глеба, принесло и свои трудности. Родители отправили меня в подростковый лагерь в Турцию, где я продолжал вести себя в привычном стиле и немедленно

обзавёлся новыми врагами. Меня начали шпынять, но почему-то здесь администрация всё же вмешалась, и из жертвы я превратился в обыкновенного изгоя. Появился новый срок, ради которого стоило терпеть: окончание смены. По сравнению с учебным годом это было сущим пустяком. После возвращения я заявил родителям, что в лагерь больше не поеду.

Восьмой класс начался так, будто летних каникул и не было: Глеб привычно продолжал охоту. Запас душевных сил, накопленный за время отдыха, оказался исчерпан уже за сентябрь. Страх и беспомощность поработили меня, полностью вернув к образу мыслей жертвы.

Год назад, в первой половине седьмого класса, я надеялся, что Глеб рано или поздно оставит меня в покое. Затем меня поддерживали мысли о лете, которое могло принести спасение. Теперь надежды не осталось.

Утро третьего октября началось непримечательно. Звучали какие-то отголоски матерной песенки в мою честь, но это был сущий пустяк. К тому же пел её не Глеб, а Костя. После второго урока мы с Никитой и Димой вместе спустились в столовую. Взяв бутерброды и сок, уселись втроём за один столик. Я потягивал сок через трубочку, когда на мой затылок обрушился удар. Голова дёрнулась вперед, от неожиданности я сжал пакет, и сок брызнул мне в нос. Тут же мой стул резко выдернули назад, и я повалился на спину. Остатки сока залили рубашку. Откашливаясь и скользя ладонями по мокрому кафельному полу, я перевернулся на живот и встал. Кадыков.

– Ой, Мишутка, прости. Я тебя не заметил! Надеюсь, не будешь мамочку звать?

Послышались смешки. За сценой наблюдала вся столовая. Друзья продолжали невозмутимо есть, будто не замечая происходящего. Я медленно помотал головой.

– Какой молодец! – сказал Глеб. – А теперь садись, ешь.

И он плюнул мне в лицо. Плевков пришёлся выше и попал в волосы. Я застыл.

– Ой, парни, вас не задел? – спросил Глеб у Никиты и Димы.

– Глеб, иди уже за свой стол, надоел, – ответил Никита.

Глеб, отходя, подмигнул и хлопнул меня по плечу. Ни на кого не глядя, я поднял свой портфель и отправился в туалет – отмываться.

На четвёртом этаже уроков у нас сегодня не было, и шанс встретить знакомых был невелик. Я тёр холодной водой волосы и рубашку, снова мочил руки и снова тёр, пока не начали неметь пальцы.

Из заляпанного зеркала глядел взъерошенный парень в мокрой белой рубашке. Макс Пейн в юности, не иначе. Мужественный герой, спасший девушку из бурной реки или, быть может, бившийся с врагами под дождем. На самом же деле – жалкий козёл отпущения, униженный двоечником. До начала этого кошмара я часто красовался перед девочками в классе, пошло и небрежно шутя. Теперь на их глазах меня растоптали подобно половой тряпке.

Прозвенел звонок.

* * *

Вернувшись домой после школы, я закрылся на защёлку и улёгся спиной на пол. Стены покрывали узоры – серебристые изгибы стеблей и листьев. Мой взгляд заскользил по ним, и некоторое время спустя мысли потекли столь же размеренно. Я ощутил спокойствие. Похоже, черта была достигнута, и вместе с этим пришло осознание, что за чертой есть что-то ещё. Теперь, когда цепляться было уже не за что, мне открывались новые возможности, ранее невидимые.

Итак, если отбросить эмоции... Можно ли утверждать, что быть избитым – хуже, чем быть униженным? Разве не этого – защиты своей чести – я ожидал от Серёжи, смотря на его мучения?

«Глеб убьёт тебя», – говорил страх.

«Да неужели?», – отвечал я. Кажется, Глеб не такой идиот, чтобы идти под суд по такому поводу. А ведь даже обычная драка может привлечь внимание, которое ему совсем не нужно.

«Ты ничего не сделаешь, – заявил страх. – Ты терпел бесчисленное множество издевательств и стерпишь ещё столько же. Точка».

* * *

На следующий день Кадыков явился только к середине второго урока. Когда прозвенел звонок и класс высыпал в коридор, я почувствовал щелчок пальцем по уху. Руки начали мелко дрожать, но показывать этого было нельзя. Я развернулся.

– Ну что, Мих, рубашку постирал? Mamочка не придёт разбираться? – спросил Глеб с издевательской заботой в голосе.

Дрожь во всём теле усиливалась. Стараясь не выдать её, я помотал головой.

Глеб был расслаблен: всё без сюрпризов. Опустив глаза, я постарался обойти его сбоку. А потом сжал кулак, повернулся и резко захватил Глебу по голове.

Удар пришёлся в ухо. Вышло не очень красиво, зато неожиданно и полновесно. Голова Глеба мотнулась в сторону, и он в ярости развернулся. Я ударил второй рукой, целясь в нос, но Глеб перехватил кулак и схватил меня за горло. Я впился в его кисть, пытаюсь разжать пальцы, а он левой со всей силы ударил меня в лицо.

Бам! Его кулак был подобен молоту. Очертания Глеба смазались. Рука разжалась, коридор крутанулся вокруг меня, и я рухнул спиной на кафель.

– Ну ты и псих, – пробормотал Глеб. Сзади кто-то сдавленно усмехнулся.

Лёжа на спине, я рассеянно потрогал трясущимися пальцами нижнюю губу. Та потеряла чувствительность и, похоже, раздувалась. Я молча поднялся на ноги, стараясь не шататься, и отправился в туалет. Умывшись, я вернулся в коридор и прислонился к стене – неподалёку от всех. Никита скользнул по мне взглядом и отвернулся. Глеб травил байки.

В этот день он больше ко мне не лез. На одной из перемен Аня спросила:

– Миш, ты видел свою губу? Она распухла.

– Видел, есть такое. Пройдёт.

Родители тоже не оставили моё лицо без внимания.

– Что, опять этот Глеб? – недовольно спросил отец. – Может, пора ему напомнить, что в нашей стране есть милиция?

– Не надо, всё в порядке.

– Отдохни денёк, – сказала мама. – Приди в себя. Я позвоню Ларисе Валерьевне и скажу, что ты заболел.

– Нет, мне нужно идти. Нельзя показывать слабость сейчас.

– Не думаю, что твоих одноклассников настолько волнует твоя жизнь. Если хочешь, не буду говорить, что ты заболел. Скажу, что мы забираем тебя по семейным делам.

– Не надо, пожалуйста. Я пойду завтра в школу.

– А по-моему, тебе всё же лучше завтра отдохнуть, пусть губа пройдет, – сказал отец.

– Она не пройдет за один день. И не надо никому звонить, пожалуйста. А сейчас я хочу побыть один.

На следующее утро перед зеркалом я научился закатывать губу внутрь и слегка прикусывать её. Так со стороны почти не было видно, как сильно она опухла. Правда, маскировка спала, стоило мне открыть рот, но сегодня мне вряд ли предстояло много разговоров.

На второй перемене Глеб, будто бы для пробы, отпустил одну из любимых матерных шуток про меня. Я медленно повернулся. Меня снова начало потрясывать. Глеб стоял в проходе между партами и смотрел со своей обычной ухмылкой. Но кое-что изменилось: теперь он был собран. Врасплох его было больше не застать. Я неторопливо двинулся вперёд.

– Опять хочешь получить, что ли? – удивлённо спросил он.

Я ударил правой. В этот раз всё получилось менее удачно. Руки у Глеба были длиннее, он уклонился и снова схватил меня за горло. Руками мне было его не достать, и поэтому я с силой пнул его ногой в живот. Это было всё равно что пинать стену – Глеб почти не покачнулся.

Он шагнул вперед, сгибая руку, и толкнул меня со всей силы. Я полетел спиной в проход. Мне достало ума прижать голову к груди, и затылок остался цел. Падение на спину выбило из лёгких весь воздух.

– Мих, ты совсем страх потерял? Каждый день теперь будешь кидаться?

– Всегда... когда будешь ко мне лезть, – я слегка задыхался.

– Ну-ну, удачи, – он усмехнулся.

Глеб перестал приставать ко мне. Поначалу я думал, что он лишь выжидает и готовит нечто особенно гадкое. Я был настороже, но шли дни, недели, а потом и месяцы, и всё было спокойно. Мы даже начали перебрасываться шутками, будто ничего и не было. В классе, казалось, тоже позабыли про мои унижения. Отношения с Никитой и Димой охладели, но всё же сохранились на уровне взаимной вежливости. Я наконец-то мог спокойно учиться, не ожидая каждую минуту удара в спину.

Драться с Глебом меня вынудило отчаяние, а отнюдь не расчет на успех. И хоть я и мог питать робкие надежды, результат всё же поразил меня до глубины души. С детства мне внушали, что драки не решают проблемы, а лишь создают их. Теперь я знал: всё устроено иначе.

Конечно, мне не удалось напугать Глеба или уже тем более «победить» его. Но он, видимо, понял, что продолжать издёвки в таких условиях будет сложно, и решил, что игра не стоит свеч: гораздо проще продолжать шпынять Серёжу.

Что касается Серёжи, то с ним мы стали общаться немного чаще. Я рассказал, как пришёл к решению драться с Глебом. Чувствуя себя подстрекателем, я даже предлагал Серёже попробовать нечто подобное. Он ответил:

– Да вроде бы Кадыков в последнее время и так не особо меня достаёт.

Мне такие изменения были незаметны, но я кивнул и больше не поднимал эту тему.

* * *

Больше мне не приходило в голову высмеивать и презирать людей, терпеливо сносящих унижения. Страх достаточно наглядно продемонстрировал мне свою силу. Но ведь не все пасуют перед агрессией – факт! И в рядах смельчаков числятся не только спортсмены и спецназовцы, но и простые люди. Они отбиваются от нескольких хулиганов, а то и сами лезут в драку, чтобы защитить слабых. И не всем нужно перед этим терпеть год унижений, доходя до отчаяния!

Над этой загадкой я размышлял несколько лет, отыскивая подсказки всюду: в людях, книгах, статьях и фильмах. Лет в шестнадцать я придумал свою собственную классификацию, условно разделив людей на рассудительных и безрассудных.

Рассудительный человек, встречаясь с опасностью, вначале оценивает её всесторонне, взвешивает шансы, перспективы и последствия. В этот момент инстинкт самосохранения часто удерживает от движения навстречу опасности, а разум легко находит миллион подходящих оправданий.

Безрассудный – не думает о перспективах. Агрессия вызывает у него злость и моментальную ответную реакцию. Он не успевает убедить себя, что бросаться на сильнейшего противника – неразумно и опасно.

Безрассудным людям, по моим наблюдениям, принадлежало по жизни гораздо больше побед, чем рассудительным. Да, они могли получить травму или даже погибнуть, не оценив опасности, но такое случалось реже, чем успехи. Если человек не боялся и не задумывался, а просто действовал со страстью и без оглядки, он значительно повышал шансы на успех. Предварительная оценка опасности, наоборот, могла уберечь в малом проценте случаев, в остальных же – только порождала страх и приводила к капитуляции без боя.

Я не мог изменить свою личность и из рассудительного человека превратиться в безрассудного. Но это было и ни к чему. Пусть лёгкая и яркая жизнь безрассудных порой вызывала зависть, но, как говорится, чего не имел, о том не горюешь. У рассудительности были свои

плюсы, включая более детальную оценку рисков. Оставалось одно: справляться со страхом не за счёт отсутствия рефлексии, а за счёт силы воли.

Я записался в секцию бокса. Занятия давались мне тяжело, особых успехов я не достиг, но всё же обрёл некоторую уверенность в себе. За боксом последовал сноубординг. Я постоянно наращивал сложность спусков, учился ездить по целине и прыгать на трамплинах.

Страх не исчез и не замолчал. Перед каждым прыжком на сноуборде я неизменно трясся, сжимал кулаки и усилием успокаивал дыхание. Но прыжки сущим пустяком по сравнению со спаррингом... Если партнёр был более опытным и техничным, но контролировал себя, то всё было в порядке. А вот если он был агрессивен, во мне просыпался тот самый испуганный мальчик, парализованный страхом. Разумеется, я не убегал и не просил остановиться, но действия мои становились скованными: было страшно бить, чтобы не разозлить противника ещё сильнее. Мне не удавалось окончательно избавиться от этого наваждения, но я давил его, снова и снова выходя на ринг.

Трус внутри меня оперировал эмоциями, подсознанием. Я сделал эту сущность своим главным врагом, противопоставив ей безжалостного наблюдателя. Его инструментом было право вето на любые мысли и чувства, которые могли быть порождены страхом.

– Посмотри на этого кабана, он же неадекватен! – говорил голос в моей голове. – Бьётся как будто насмерть, да ещё и тяжелее тебя килограмм на пятнадцать.

– Стоп, вето, – заявлял наблюдатель. – В ринг.

– Склон после вылета уходит резко вниз... Ты даже не знаешь, сколько пролетишь.

– Разговор окончен, вперёд.

Вскоре в любом аргументе против того, чтобы бросаться навстречу очередной преграде, мне стало видеться одно: попытка оправдать трусость. Так как теперь мне было известно заранее, что любой вызов я обязан принять, то и аргументы «против» даже не было смысла обдумывать. Теперь я попросту отбрасывал их – зачем лишний раз себя смущать. Тогда я и представить не мог, куда в итоге заведёт меня эта привычка.

* * *

Со временем я всё спокойнее размышлял над историей конфликта с Глебом, который обнажил мою слабость и уязвимость. Это привело меня к новому неожиданному открытию: проблемы в общении связаны в первую очередь с моим собственным характером, а вовсе не с примитивностью окружающих.

Разумеется, я и раньше много раз слышал подобные заявления от разных людей, но каждый раз находил причину пропустить их мимо ушей. Как можно слушать того, кто сам несовершенен: разговаривает неграмотно, ведёт себя нелогично? Теперь же до меня вдруг дошло: люди могут ошибаться и не обладать выдающимся интеллектом и всё же быть добрее, щедрее и смелее меня. И эти качества ценятся окружающими гораздо больше, чем острый язык и аналитические способности. Осознание пришло столь внезапно и с такой очевидностью, будто я знал это всегда.

Я решил бороться со своим высокомерием подобно тому, как давил страх. Выслушивая от родственников и знакомых житейские мудрости, избилующие взаимоисключающими параграфами и внезапными декларациями всемирных законов от фонаря, я больше не лез в спор, доказывая невежество собеседников, а кивал или помалкивал. Точно так же я сдерживался и при виде глупостей, творимых одноклассниками. Так что отношения с окружающими заметно потеплели, а новые знакомые и вовсе считали меня довольно милым парнем. Порой застарелое высокомерие давало о себе знать, прорываясь наружу злым сарказмом, что сильно удивляло людей, знавших меня недавно. Благодаря постоянным усилиям, таких рецидивов становилось всё меньше.

2

В старших классах интересом номер один для меня стали девушки. Жизнь не стояла на месте, открывая новые грани. Среди моих сверстников вдруг стали появляться люди, вкусившие тот самый запретный, но вожделенный плод. Хотелось спросить: «ну, как оно?», но каждый сдерживался, чтобы не показать, что сам ещё не касался этой тайны. Если же кто-то всё же спрашивал, то ответами было «круто», «нормально» – в общем, представления всё равно толком сложить не удавалось. Вывод напрашивался один: пора попробовать самому.

Знакомства с девушками стали для меня новым серьёзным вызовом. «Что она подумает, когда я подойду? Вдруг засмеёт? А если после пары фраз настанет неловкое молчание, и мы оба будем сгорать от стыда?»

Естественно, уступать страху было нельзя. Я приступил к попыткам, не давая себе передышки. В любом общественном месте, в каждой новой компании я постоянно оценивал окружающих девушек и выбирал симпатичных, а затем пытался тем или иным способом завязать знакомство, которое будет иметь развитие. Абсолютным критерием успеха – воспетым, превознесенным и доселе невиданным – для меня был секс. В качестве промежуточного успеха также засчитывался поцелуй, остальное считалось поражением.

Чаще всего выбранная цель не вызвала у меня каких-либо чувств. Соответственно, желания разворачивать активную деятельность по соблазнению тоже не наблюдалось. Но подобное нежелание могло быть вызвано страхом неудачи, так что безжалостный наблюдатель немедленно отправлял его в топку, а я нацеплял на себя улыбку и приступал к делу.

Действия мои из-за неопытности были весьма неловкими, но я понемногу учился. Результаты в большей степени представляли собой поражения, однако и поцелуи перепали мне довольно часто. До следующего этапа я пока не доходил, но верил, что дорогу осилит идущий.

* * *

В начале десятого класса, возвращаясь с тренировки, я оказался на Поклонной горе. Только что прошёл короткий и мощный ливень, который я мужественно впитал – частично, конечно – футболкой и шортами. Вслед за ним как на заказ начало жарить солнце. Вода начала испаряться, и под ногами за клубился еле видимый парок, быстро раздуваемый ветром.

Я взбежал по ступеням. Плитка, по которой шлёпали мои мокрые кеды, засверкала, слепя глаза. Красные и жёлтые тюльпаны в длинных клумбах, напившись, открывались свету. Справа в небо били фонтаны, и мне показалось, что между ними мелькнула радуга. Весь мир вдруг стал зыбким, ускользящим. Я сморгнул, а когда открыл глаза, из солнечного марева передо мной уже вынырнула юркая рыжая девочка с косичками. Она двигалась неестественно быстро, да к тому же зигзагами. Через мгновение я понял, что она на роликах, и рассмеялся. Так я впервые встретил Таню Коваленко.

К моей персоне Таня отнеслась вполне благодушно. Я угостил её мороженым, которое она облизывала, ловко нарежая вокруг меня круги. Острые скулы, тонкие губы... она могла показаться непримечательно-милой, если бы не глаза: тёмные и глубокие. Правда, обнаружилась проблема: Тане было всего четырнадцать, и вблизи она выглядела, как натуральный ребёнок. Дополнялось это таким же детским голосом. Обменявшись именами в «контакте»², мы распрощались. Вскоре я думать забыл об этой встрече.

* * *

А через три месяца – на Новый год – мне впервые открылось столь вожделенное таинство секса. Получилось это странно и скомкано. Я напился; девушка была не слишком красива, зато

² Здесь и далее имеется в виду социальная сеть «ВКонтакте» ®.

гораздо более опытна и, по сути, всё сделала сама. На следующий день мне уже не удавалось толком вспомнить свои ощущения.

В одиннадцатом классе я вник в тему постельных отношений более подробно, начав встречаться с Настей Давыдовой – девочкой из параллельного класса. Мы постепенно знакомились с нашими телами, познавали их желания и удовольствия. Когда родителей не было дома – бежали туда, в иных случаях на помощь приходили парки. За тот период я узнал и испытал много нового. И одним из открытий стало то, что наличие постоянной партнёрши, как и официальный статус наших отношений, по сути, ничего не изменили в моём подходе к девушкам. Отношения с Настей были для меня обособленной величиной, не влияющей на отношения с другими. Я мог спокойно флиртовать с кем-то ещё, а потребность сражаться и преодолевать себя толкала на новые знакомства.

Я замечал, что такой подход обществом в целом не приветствуется, но никак не мог взять в толк, почему. Для большинства людей сексуальная верность партнёру была одной из привитых с детства непреложных заповедей, над смыслом которой они не очень-то и задумывались. У меня такой проблемы не было: родители никогда не обсуждали со мной секс и не внушали никаких сопутствующих моральных норм. Зато они привили мне привычку сомневаться и думать своей головой, которая лишь усилилась с годами в силу моего характера.

Итак, тот факт, что отношения с девушкой накладывают свои обязательства, сомнений не вызывал, но эти обязательства относятся к конкретной девушке и только лишь к ней. Иначе говоря, если в отношениях я делаю всё, что должен, то почему бы мне не распорядиться свободным временем так, как я считаю нужным? С Настей я гулял, разговаривал, спал, делал ей подарки, а уж чем заниматься тогда, когда мы не вместе – скучать по ней или пойти погулять с другой девушкой, – мог решить самостоятельно.

Впрочем, сама Настя вскоре мне наскучила, а впереди ждали новые испытания. Своё равнодушие я не очень-то и скрывал, и это выглядело вполне честным: я не обманывал Настю, признаваясь в несуществующей любви или намеренно преувеличивая свои чувства. Наши отношения охладели, но она так и не попыталась обсудить их, что можно было считать стопроцентным свидетельством моей невиновности: ведь если бы ей что-то не нравилось, логично было бы об этом заявить. Спустя пять месяцев после начала отношений – по тем временам огромный срок для меня – мы расстались. К тому времени это уже было простой формальностью.

Я упомянул честность. Эта тема требует чуть более подробного рассмотрения.

Дело в том, что эта самая честность или, говоря по-другому, умение держать слово и отвечать за поступки, всегда была для меня главной ценностью. Собственные обещания, даже пустячные, я тщательно заносил в календарь и относился к срокам крайне ответственно. Ведь кто знает, насколько обещание на самом деле важно для человека, которому я его дал?!

Если выполнить всё в срок не получалось, то я старался обсудить трудности с теми, кто от меня зависел, не пытаясь сбежать.

При этом к самой сути договорённостей я подходил с определённой долей формализма: если человек ожидал от меня чего-то, чего я не обещал напрямую, то взятки гладки, и лезть ко мне с претензиями было бесполезно.

С теми же требованиями я подходил и к окружающим, и вот тут начинались проблемы. Дело в том, что если оценивать мир такой меркой, то оказывается, что люди обманывают на каждом шагу. Цены на этикетках, сроки доставки, дата упаковки... «Деньги верну в среду», «курсовую скину завтра», «оставьте заявку, мы вам перезвоним», «пишите по почте», «сроки ответа на заявление 30 дней»...

И если большинство людей воспринимают подобную «нечестность», будь то целенаправленная ложь или разгильдяйство, достаточно спокойно, то у меня она всегда вызывала лютое раздражение. Я готов был *прощать*, если человек поймёт свою ошибку и *извинится*. Думаю,

не надо объяснять, что это уже из области фантастики – максимум, на что можно было рассчитывать, – это пожимание плечами или усмешка.

Хорош ли такой подход? Или плох? Думаю, однозначного ответа нет: всё зависит от культуры и традиций того или иного народа. Но факт в том, что я для своего народа оказался не вполне типичным элементом. И этому ещё предстояло сыграть свою роль.

* * *

Тем временем знакомства превратились в настоящую гонку. Из историй о сексуальных похождениях своих одноклассников я выбирал самые яркие – ведь равняться нужно было на сильнейших – и на их основе определял «требуемый уровень» своих успехов. Вероятно, эти истории сами по себе содержали некоторые преувеличения, но я в буквальном смысле возводил чужие успехи в абсолют и изо всех сил старался не отставать. Казалось, всем вокруг всё давалось легко, а мои успехи на требуемом уровне поддерживало лишь огромное число попыток. Мысли об этом мучили меня и заставляли ещё активнее бегать за девушками.

Для этой цели я выбрал ряд перспективных мест. Например, ночные клубы. И да, они не просто мне не нравились, а прямо-таки вызывали отвращение. Местная публика была чертовски далека от меня по интересам. Разговаривать тут было невозможно из-за музыки, пить – дорого, танцевать – боязно. Но именно последнее сыграло решающую роль: безжалостный наблюдатель решил, что страх показаться смешным на танцполе определяет мою нелюбовь к клубам, и все аргументы «против» были разом отброшены.

Вторым направлением были посиделки в антикафе³. Вскоре я понял, что здешний контингент привлекает меня не больше. Основу его составляли фрики, которые громко кричали какие-то свои особые приветствия, играли в карточные игры по мотивам вымышленных вселенных, до хрипоты спорили о тайных знаках в аниме и неизвестных мне сериалах. Я же, стараясь сдерживать поток саркастических замечаний, приходивших мне в голову, чувствовал себя пришельцем из другого мира – возможно, чуть более серого и адекватного.

* * *

В одиннадцатом классе мне снова удалось довести дело до секса – со знакомой из соседнего района. Теперь я уже подходил к делу с богатейшим опытом, полученным с Настей Давыдовой, так что движения наши выглядели более-менее осмысленно. Это добавило «плюс один» в мою копилку, но не дало стимула для продолжения отношений. Девочка та была мне совершенно не интересна.

Поражений по-прежнему было куда больше. Я принимал их близко к сердцу и мог подолгу воспроизводить в памяти, раздумывая, что можно было сказать или сделать иначе. Помимо прочего, зачастую мне казалось, что такие случаи подрывают уважение окружающих ко мне. Ведь мы с одноклассниками обсуждали успехи друг друга. Я за чужими жизнями следил пристально, а значит, и моя находилась под наблюдением!

Со временем это переросло в странный эффект. Мне уже не нужно было никому рассказывать о своих неудачах, чтобы испытывать неловкость: я создал в собственной голове общество судей, придирчиво рассматривающих каждое моё действие. К примеру, мне удавалось ловко познакомиться с очередной девушкой. За этим следовало свидание, но оно не заканчивалось ничем хорошим – неважно, по какой причине. Безжалостному наблюдателю цепляться тут было особо не к чему: я действовал, не уступая страху. Но судьи рассматривали конечный результат и подводили итоги: время потрачено, а никакой награды не получено. И что же это значит? А то, что я неудачник: пытался, но остался ни с чем.

³ Антикафе (также свободное пространство, тайм-клуб, тайм-кафе) – тип общественных заведений социальной направленности, основной характеристикой которых является оплата проведённого в них времени вместо оплаты конкретных развлекательных услуг.

Подобное самоуничижение здорово допекало: мне и без него в жизни хватало нервов, а многократное пережёвывание каждой неудачи отнимало силы и время. Как сильный человек стал бы справляться с этим? Решение пришло почти сразу: каждую неудачу нужно обращать в победу. Допустим, я иду на свидание. Конечно, есть шанс, что успешного окончания не будет. Значит, само свидание должно пройти в приятном месте, чтобы после него я мог сказать, что отлично погулял или вкусно поел.

Данной тактики я стал придерживаться и в общении с друзьями. Распространялась она не только на знакомства, но и на всё подряд. Любые негативные эффекты, которые невозможно было скрыть, преуменьшались нарочито равнодушным к ним отношением. Я разыгрывал ленивую досаду вместо расстройства и высмеивал то, что вызывало у меня большую обиду. Значение положительных факторов, наоборот, преувеличивалось. Получил двойку: «Зато я ничего не учил, не тратил время». Выходит, что не обидно. Отказала девушка: «Ну, скажем честно, она не очень. Я пошёл больше от скуки, но в целом хотя бы погулял неплохо, развеялся».

Признать собственную слабость, подтвердить, что какое-то событие меня сильно задело, казалось опасным, ведь такое признание сняло бы защиту и открыло окружающим мои болевые точки. У меня неплохо получалось играть в эти игры, но я всё время опасался разоблачения и внимательно вглядывался в глаза друзей, отыскивая следы недоверия или насмешки.

Так или иначе, с поражениями я худо-бедно разобрался. Но было кое-что гораздо хуже.

Вот я в автобусе, покачиваюсь на задней площадке, вцепившись в липкий жёлтый поручень. У средних дверей стоит Она (шучу, конечно, просто «она»). Зелёный рюкзак с приколотым жёлтым значком, русые волосы, белые наушники, маленький носик. Сосредоточенный взгляд опущен в тетрадку: очевидно, у кого-то скоро контроль в универе. Надо подходить! Но мы же в душном автобусе, моя футболка промокла от пота, лицо и волосы тоже, надо думать, выглядят далеко не лучшим образом... К тому же, может ли серьёзный мужчина ездить в автобусе? Минутку, но она же ездит, значит, для неё это нормально... Но что сказать?!

Нас окружает множество людей, и меня бросает в жар: мой возможный позор увидят все. В этот момент она поворачивает голову и ловит мой взгляд. Не успевая решить, что же делать, машинально опускаю глаза. Тут же чувствую досаду: теперь она видела, что я смотрю и сомневаюсь, а значит, не уверен в себе – уже точно нельзя подходить! Но совесть не даёт мне покоя: ничто не потеряно, я всё ещё могу познакомиться. Тем не менее, я не чувствую задора, наоборот – кажусь себе жалким. Знакомиться надо с улыбкой, а на моём лице застывает страдальческая гримаса. Я морщусь от ненависти к себе и не могу дождаться, когда, наконец, девушка выйдет.

«Остановка – метро Курская». Люди начинают подталкивать друг друга к дверям, дабы убедиться, что никто не забыл, где выход. Девушка уже не смотрит на меня, её занимают более важные дела: как покинуть автобус, сохранив при себе вещи, здоровье и честь. Вот она, прижав к груди тетрадку, спрыгивает на тротуар и бодро удаляется. В первую секунду приходит облегчение, но потом... о, какое презрение к себе я ощущаю потом! Только что я упустил лучшую возможность в жизни – исключительно из-за собственной трусости! Поправить уже ничего нельзя, можно лишь пообещать: такого больше никогда не повторится! Пусть лучше она – другая она – растопчет меня отказом, чем я сдамся без боя.

* * *

После школы я успешно поступил в Бауманку⁴ на IT-специальность. Родители были так добры, что подарили мне однокомнатную квартиру, и я стал счастливым обладателем собственной жилплощади в Москве. В Бауманке я продолжил заниматься боксом и впервые прыгнул с парашютом. Уже никто из знакомых не мог бы назвать меня трусом, зато некоторые назы-

⁴ Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана – российский национальный исследовательский университет.

вали смельчаком, экстремалом. Такие характеристики я старался пропускать мимо ушей, дабы не возникало соблазна ослабить хватку.

Во время учёбы на первом курсе, в марте, я познакомился в «контакте» с Надей Фадеевой. Она как раз заканчивала ту же школу, где раньше учился и я. В первом же разговоре Надя преподнесла мне сюрприз.

Оказалось, что она знала обо мне многое, и даже чересчур. Самые громкие конфликты с моим участием были ей известны, а некоторые она даже видела своими глазами. Многие я успел забыть и припоминал только теперь – с её слов. Но, как бы я ни напрягал память, мне не удавалось вспомнить одного – саму Надю.

Больше всего мне было интересно, знала ли она, как меня унижал Глеб, и чем всё закончилось. История была в меру громкая, но не настолько, чтобы о ней узнала вся школа. Я так и не отважился спросить об этом.

Несмотря на обширные познания о моей персоне, Надя не дала мне от ворот поворот сразу, и мы стали переписываться на многие темы. Её взгляды часто оказывались совершенно неожиданными, и мне, привыкшему всё знать лучше других, приходилось прикусывать язык. Мы могли болтать часами, обсуждая учёбу, политику, религию и, конечно же, путешествия. Надя обожала их, и это весьма подкупало – я давно мечтал о дальних странах.

Спустя несколько недель мы начали гулять вместе. Ноги у Нади были длинными и стройными, грудь – маленькой. Прямой изящный нос, пальцы – длинные, как у художников и пианистов: такими девушками восхищаются, им посвящают стихи. Но когда она смотрела на меня открытыми серыми глазами, а округлые щёчки розовели от прогулки и от улыбки, я чувствовал не восхищение, а нежность.

Светлые волосы Надя собирала в хвостик или носила распущенными. Когда при встрече я целовал её в щеку, то всегда удивлялся, какая мягкая и гладкая у неё кожа. Надя часто бывала серьёзна – непривычно серьёзна для симпатичной девушки, – но если уж смеялась, то долго и заливисто, сверкая ровными белыми зубами.

Меня сбивала с толку скрытность Нади. Она отказывалась говорить о семье и прошлых отношениях – как ни крути, а вещи важные. Мне оставалось довольствоваться редкими ростками информации, по которым складывалось впечатление, что в семье не всё гладко, а недостатка в поклонниках нет. Но есть ли среди поклонников кто-то особенный?! Надя лишь смеялась в ответ.

Помимо учёбы Надя занималась рисованием. Она показала мне несколько своих работ. Деревья здесь принимали очертания древних существ, улица закруглялась в бублик, города разбегались по всей планете песочными лабиринтами, люди повисали в воздухе в переплетении ветвей и созвездий, а луна уменьшалась до размеров яблока на столе или, наоборот, растекалась фиолетовым киселём.

Я был впечатлён. Вопреки обыкновению, мне не хотелось шутить.

Мне не удавалось выяснить, какую роль рисование играет в жизни Нади. Да что уж там, она не говорила даже, куда хочет поступать! Она оставалась закрытой книгой, в которую я заглядывал ночью, тайком – то на одной странице, то на другой, – а моё воображение достраивало всё остальное.

Надя была необычна – да! Но у меня не было заготовлено никакой особой тактики на этот случай. Приходилось действовать по привычке – к примеру, вворачивать провокационные шутки среднего качества.

– Как относишься к сексу между двумя девушками?

– Положительно.

Мда-а... и что говорить дальше?

«Ну я и идиот, серьёзно» – нечасто такие мысли приходили мне в голову при общении с другими девочками, а вот с Надей – постоянно. Говорила ли она серьёзно? Или смеялась?

Были ей мои шутки неприятны, безразличны, интересны? Был ли ей хоть немного интересен я сам?

Расставить все точки над «i» мог бы переход к активным действиям. С любой другой девушкой я осуществил бы это давным-давно, но с Надей всё было не так просто. До сих пор все девушки, которых я пытался соблазнить, были лишь целями, отобранными по ряду критериев. И если один трофей мне не доставался, их всё равно оставалось целое море.

Надя же сама была морем. Я легонько коснулся самой поверхности, и у меня уже захватывало дух. Можно было лишь догадываться, какие невероятные тайны скрывает глубина. Мне было, как никогда раньше, страшно потерять девушку, так ничего о ней и не узнав. Это заставляло колебаться и осторожничать.

Но по мере общения осторожность постепенно уступала место нетерпению. За полтора месяца Надя даже не ответила на вопрос «есть ли у тебя парень?». Может быть, пока я посвящал ей свои мысли, она себя посвящала отношениям с другим? Такое предположение вызывало отвращение. Но даже если у неё и не было парня, существовала вероятность, что рано или поздно он появится. Что если Надя ждала от меня первого шага, а моё промедление открывало дорогу ухаживаниям другого? Эта версия поставила точку в сомнениях: я решил, что лучше рискнуть, чем впустую потерять лучшую возможность в своей жизни.

– Давай съездим, – написал я.

– Куда?

– В кругосветное путешествие, конечно. Но для начала – в Питер на выходные.

Само собой, она откажется.

– Давай!

Ну вот... стоп, что?

Ладно, ликовать рано! Может, Надя решила, что поездка чисто дружеская? Да и вообще... мало ли что может почти не так.

Билетов на первые майские оставалось мало, но мне повезло, и я выхватил достаточно удобные. Что ж... этой поездке предстояло окончательно разрешить все сомнения, поэтому настроение у меня установилось мрачное и торжественное.

В пятницу вечером, протиснувшись между кустами и угрюмым мужиком в кепке и под аккомпанемент гудков перебежав через дорогу – тогда там ещё не было сотни заборчиков – я оказался на площади перед Ленинградским вокзалом. Весь день солнце знатно припекало, но теперь начало сдавать, позволяя глотнуть прохлады. Люди мельтешили со своими баулами, чемоданами и пакетиками, а от парапета подземного перехода, лениво ловящего солнце тёмными гранями, мне махала рукой Надя. На ней была ярко-зелёная футболка и жёлтые шорты, открывавшие взгляду стройные ноги в бежевых босоножках. Солнечные лучи путались в непослушных прядках светлых волос. Моя торжественность сменилась неловкостью и чем-то ещё, незнакомым.

В поезде мы уселись на боковушки друг напротив друга. Я нервничал и даже не мог толком придумать, что бы такое ляпнуть.

– Для меня это серьёзный риск, – мрачно заявил я, наставляя на Надю палец. Её глаза округлились. – Из-за твоей скрытности я практически ничего о тебе не знаю, но при этом остаюсь в одном вагоне – можно сказать, наедине.

Она покатила со смеху:

– Смотри, вон стоп-кран! Если что, беги и дёргай.

– «Беги и дёргай» – неплохой слоган. Я уже думал об этом, но есть проблема – штраф. Если не ошибаюсь, несколько тысяч. У меня таких денег никогда не было, и, скорее всего, уже не будет.

– Тогда придётся тебе не спать: мало ли что ночью может случиться.

– Да я и не собирался.

Когда поезд тронулся, солнце уже село. Мы поболтали часа полтора, и можно было укладываться. Я помог Наде разложить нижнюю полку и забрался на свою. Хотя обычно поезда были для меня лучшим местом для сна, сегодня мне и впрямь долго не удавалось уснуть, и не из-за возможной опасности. Организм мобилизовался перед предстоящим испытанием. По привычке я мысленно готовил утешение на случай неудачи: если Надя пойдёт мои ухаживания куда подальше, то хотя бы полюбуюсь красотой северной столицы.

* * *

До сих пор я был в Питере всего однажды – в детстве – и мало что помнил. С того момента мне много раз приходилось слышать легенды о местной ужасной погоде. Возможно, они и были основаны на реальных событиях, но нам с Надей досталось небо без единого облачка и ласковое весеннее солнце. Около полудня, сделав кружок по центру, мы оказались в скверике у Казанского собора. Все скамейки были заняты, и я смело растянулся на траве.

Надя извлекла альбом в твёрдой обложке и по-турецки уселась на мой рюкзак. Она начала делать набросок, и маркеры смешно зашуршали по бумаге. Я с интересом наблюдал, как рыжая стена собора проступает сквозь изумрудную листву, повинувшись движениям изящных пальцев. Надя взяла коричневый маркер и уверенно провела несколько линий над крышей собора. Я поперхнулся:

– Думал, это небо!

– Ну да, – рассеянно ответила она.

Она продолжала менять цвета: жёлтый, оранжевый, фиолетовый. К моему удивлению, небо действительно получалось невероятно живым. Как ни странно, оно казалось более реальным, чем если бы Надя изобразила его голубым.

Она рисовала больше часа. Мне хотелось продолжить прогулку, но я не смел прерывать Надю, настолько она была поглощена процессом. Поэтому я просто любовался её руками и длинным носом. Когда она отстранялась, чтобы посмотреть на результат своего труда, то кончик носа слегка двигался, выражая то ли сомнение, то ли одобрение.

Когда скетч был готов, она просто захлопнула альбом и повернулась ко мне:

– Пойдём гулять?

Я не мог не улыбнуться в ответ.

Мы прошли мимо Спаса на Крови, через Михайловский сад, а затем – по арочной галерее в Летнем саду. Листва ветвей, оплетающих галерею, мягко шелестела на ветру. Мы вышли к Неве и через пару минут ступили на Троицкий мост.

Солнце грело не по-весеннему жарко. Шпиль над Петропавловкой пылал так, что на него невозможно было смотреть. Машины гудели, отплёвываясь выхлопными газами, и я тянул голову влево – ближе к реке. Каждый шаг по раскалённому асфальту отдавался внутри до странного гулко. Пространство как будто расширялось, втягивая в панораму новые и новые объекты. От покачивания корабликов на периферии зрения у меня закружилась голова.

Моя синяя футболка-поло оказалась слишком плотной для такой погоды и промокла от пота. Она облепила тело, и я внезапно осознал – однозначно и бесповоротно – что выгляжу в ней слишком худым. А уж как глупо с моей стороны было надеть кеды, а не сандалии! Наверняка Надя заметила это и смеялась про себя.

То, что она безупречна, а я – нелеп, больше не вызывало сомнений, и моё желание завязать романтические отношения теперь показалось попросту абсурдным. Из-за этого, однако, мне захотелось побыстрее пройти критическую точку – отмучиться. Пока у меня была серьёзная надежда на успех, решиться было трудно, а вот осознание неминуемого провала сделало предстоящий шаг проще.

«Посреди моста поцелую её, – решил я. – Сомнения теперь неуместны и попросту глупы. Если же вдруг – вопреки всему – она ответит на поцелуй, то я больше ничего не попрошу от жизни и буду абсолютно счастлив».

Дойдя до середины моста, я замедлил шаг и остановился у чугунной ограды. Вид воды, серебрящейся далеко под нами, завораживал. Возникло странное чувство: всё вокруг было *чересчур* реально, из-за чего казалось, что это обман, наваждение.

Пальцами правой руки я осторожно нащупал Надину тёплую ладонь. Она не отдёрнула руки, и я повернулся к ней лицом. Надя робко замерла, похоже, уже предчувствуя, что случится дальше. Чуть наклонившись, я неловко приник к её губам. Глаза её удивлённо распахнулись. Долгая секунда... и веки опустились, а губы раскрылись мне навстречу.

Я так долго ждал этого, что теперь потерял голову. От вкуса Надиных губ меня начало качивать, будто мы были не на мосту, а на палубе того самого кораблика. В кровь впрыснули концентрированную дозу эйфории, и теперь она разбегалась по всему телу – до кончиков пальцев, ушей и волос.

Когда всё закончилось и я взглянул в Надины серые глаза, то увидел в них такое радостное удивление, что моё собственное счастье вдруг обрело плоть. Мечта исполнилась. В порыве я заключил Надю в объятия.

* * *

Ближе к вечеру мы встретились с моим приятелем Петей и его подругой. Все вместе мы гуляли, а около полуночи отправились к Пете на квартиру. Его родители были на даче, и до утра мы просто болтали, пили вино, а Петя играл на гитаре.

В пять мы с Надей решили лечь. В выделенной нам комнате оказалось довольно уютно, и я забрался под простыню в одежде. Надя легла рядом, смотря в потолок, и, хотя мы не касались друг друга, её тепло ощущалось совсем близко. Я гадал, чего она от меня ждёт, и мучительно боялся ошибиться. Мы ведь остались вдвоём в одной постели: наверно, теперь нам нужно переспать? Или для этого слишком рано – мы ведь только сегодня впервые поцеловались... Хотелось казаться опытным и уверенным в себе мужчиной, а не неловким подростком, коим я являлся на самом деле. Внезапно Надя заговорила:

– Видишь лицо?

Я удивлённо поднял бровь. Надя всё так же смотрела в потолок, и мне, за неимением лучших вариантов, пришлось уставиться в ту же точку.

Потолки здесь были из спрессованных щепок – шершавая поверхность серо-зелёного раствора с множеством перекрещивающихся тёмных линий. В некоторых местах попадались особенно длинные щепки, прорезавшие море мелких, будто кораблики на Неве.

– Вон два человека бегут по дороге, – Надя говорила довольно буднично. – Хотя нет, их трое. У последнего особенно весёлое лицо, даже хищное! Он гонится за ними. Похоже, они играют. А сзади – стена деревьев, и среди листвы мелькает небо. Нереально синее!

– Хм... Ты видишь всё это на потолке?

Я почувствовал себя идиотом. Не то чтобы впервые.

– Да, конечно. А ты нет? Вон птица. Серая с жёлтым хвостом и длинным клювом, – Надя по-прежнему не сопровождала слова какими-либо разъясняющими жестами, и мне оставалось только следить за направлением её взгляда. – А... Ты видишь рыжую собаку? Она сидит и смотрит так преданно... Наверняка – на хозяина. Его нам не видно, но тут важен не он, а её чувство.

Мне нечего было сказать. А ещё – я понял, что Надя не думала о сексе. Привстав на локте, я поцеловал её в щёку. Она улыбнулась, но чуть смущённо, не отводя взгляда от потолка, как будто ей не хотелось отвлекаться. Во мне шевельнулось уязвлённое самолюбие, но оно тут же показалось совершенно мелочным. Откинув голову на подушку, я закрыл глаза.

Когда около полудня мы проснулись, я спросил Надю, видит ли она всё так же эти рисунки.

– Да, конечно, – ответила она.

Весь следующий день я не сводил с неё глаз. А она – вот сюрприз! – снова позволяла целовать себя. Поездка в Питер оказалась столь переполнена счастьем, что про себя я твёрдо решил: как минимум ради этого уже стоило жить.

* * *

Мы с Надей начали встречаться. Подолгу гуляли вместе, мокли под дождями, согревались в кафешках. Понемногу мне стали открываться новые черты её личности.

В Наде жила безграничная любовь ко всему живому. До знакомства с ней я думал, что люблю животных: ну так, более-менее. Теперь же я понял, что раньше их просто не замечал. Когда мы гуляли в парке, собаки, до этого чинно прогуливавшиеся со своими хозяевами, бросались к Наде, чтобы попрыгать вокруг и поставить не её свои лапы. Надя разговаривала с ними, чесала их головы, и они трясли мохнатыми ушами, тыкаясь в её руки. Если Надя видела где-то лошадь, или пони, или кошку, она сразу останавливалась, забывала про всё и начинала любоваться. Если животное можно было погладить, то Надя без колебаний – и зачастую безо всяких предварительных комментариев – направлялась к нему и начинала общение. Иногда это случалось посреди нашего с ней разговора, из-за чего я оказывался огорошен, но обижаться при виде её счастливого лица было невозможно – оставалось только самому расплыться в улыбке.

Я не особенно любил зоопарк, как и большинство взрослых людей. Но поход туда с Надей был большим событием.

Условия содержания животных в Московском зоопарке достаточно сильно различались. По-настоящему больших и просторных вольеров всегда было слишком мало, но именно они интересовали нас в первую очередь. Наде хотелось смотреть на счастливых и здоровых животных, и она легко могла провести час, разглядывая белых медведей или китов. Я уставал, но не подавал вида: нигде больше Надя не выглядела такой счастливой. Её восхищению не было предела. В такие моменты я был счастлив просто от того, что счастлива она.

Подобно тому, как она искренне радовалась счастливым и здоровым животным, страдания их вызывали у неё неподдельную муку. Она с болью отворачивалась от вольера с лисой, считая, что он для неё слишком маленький, и переживала за горных козлов, которым негде было попрыгать. Я старался смягчить ситуацию, указывая на положительные моменты и мягко не соглашаясь с тем, что животным в тех вольерах жилось так уж плохо. Я поступал так независимо от того, что думал на самом деле: мне было важно облегчить переживания Нади, а не выяснить истину. Успехи мои в этом деле были переменными.

Не только зоопарк был источником радости и горя. Надя могла на целый день замкнуться в себе, прочитав новость о жестоком обращении или гибели животных, об экологической катастрофе или браконьерах. Если она видела страдания животного лично – к примеру, на улице – это вызывало ещё большую боль. Она хотела успокоить и приласкать каждую побитую собаку, но не всегда это было возможно – часто животные оказывались испуганными и измученными и старались держаться как можно дальше от людей. Я всеми силами старался оградить Надю от подобных картин. Подмечая нечто подобное, я немедленно занимал её разговором, указывая куда-нибудь в другую сторону, чтобы не дать увидеть того, что видел я.

* * *

За первым нашим путешествием вскоре последовало второе – в Украинские Карпаты – невероятной красоты горы, до которых, однако, довольно трудно добраться. Мы вместе переносили тяготы пути, вброд переходили ледяные ручьи, взбирались по тропам среди величественных елей и молча вглядывались в запредельную даль, достигнув первой в нашей жизни вершины.

Надя никогда не жаловалась на трудности. Если ей было тяжело, она просто замыкалась в себе и терпела. Чтобы поддержать её – и в путешествии, и в обычной жизни – я постоянно дарил какие-то мелочи: бутылку свежавыжатого сока, корзинку клубники, шоколадку. Когда я

дарил Наде цветы, она буквально обнимала их и потом проводила много минут, просто сидя с ними рядом и любуясь, бережно ухаживала, подрезала кончики и меняла воду.

Нам хотелось разнообразить прогулки по Москве, и я, недолго думая, подарил Наде велосипед. Получилось весьма удачно: теперь мы катались по живописным местам в округе и устраивали пикники.

До меня у Нади был всего один молодой человек, которого она сильно и долго любила. Подробности она делилась неохотно. Как я понял, для неё начать с кем-то отношения было крайне серьёзным шагом. Я рассказал, как в первые месяцы после знакомства думал, что она просто водит меня за нос, а на самом деле встречается с другим. Она же в ответ призналась, что подозревала, что я лишь играю с ней и не настроен на длительные отношения. Мы долго смеялись над опасениями друг друга.

Несомненно, это были первые отношения, в которые я вкладывал всю душу. Да что уж там – раньше я вовсе не думал о счастье девушек, которые были рядом, лишь о своём. Теперь же я чувствовал, что по-настоящему нужен Наде, и хотел быть рядом и делать её счастливой.

До сих пор ни одной девушке я не мог показать не то что слабости, а даже простой искренности. С Надей же я делился своими страхами и печалью – открывался, становясь уязвимым. Надя мягко успокаивала меня и укутывала своей заботой. В ответ мне хотелось оберегать её от всех напастей внешнего мира.

И всё же, хотя начинались наши отношения сказочно, вскоре мне стали открываться и другие черты Надиной личности – тёмные, порой – гнетущие и весьма для меня загадочные. Но обо всём по порядку.

* * *

Первое заочное знакомство с семьёй Нади состоялось в июле 2011-го, в день её рождения, и совершенно вывело меня из себя.

Начался праздничный день с вейкбординга в Строгино с Надей и её школьными друзьями. Для меня это был первый опыт катания на вейкборде, и подобное испытание вызывало настоящий азарт. Стартовали мы с пирса, держась за лебёдку катера. Первый рывок троса заставил меня пролететь пару метров по воздуху и плашмя шлёпнуться в воду. Во второй раз я уже знал, чего ожидать, и стартовал успешно.

Удовольствие от катания оказалось непередаваемым: ветер, скорость и упругая вода под доской! После меня была очередь Нади. Она переживала, получится ли у неё, и я посмеивался, демонстрируя уверенность в её силах, на деле же – волнуясь ещё больше. К счастью, всё прошло успешно, и я испытал настоящее наслаждение, наблюдая за её чуть неловкими, но порывисто-радостными движениями. Когда Надя откаталась и забралась в лодку, я сразу начал растирать полотенцем её прохладное и влажное тело, а затем укутал, превратив в кокон: здесь, посреди реки, было ветрено, и после катания можно было быстро замёрзнуть.

После катания мы устроили пикник на берегу реки. Наде очень хотелось, чтобы её день рождения прошёл хорошо и всем понравился. Я был готов убедить её в этом, даже если бы на деле всё прошло ужасно, но хитрить не потребовалось: мероприятие и впрямь получалось удачным. Завершение тоже планировалось приятное – поход в кино. Мы выбрали сеанс на одиннадцать вечера и уже собирались выезжать. Я заметил, что Надя начала серьёзно нервничать. Как оказалось, причина была в том, что ей предстояло предупредить маму. Я, было, посмеялся над этим, но только до тех пор, пока не состоялся сам разговор.

Надя отошла метров на десять в сторону, и я отправился к ней, чтобы поддержать. Время от времени поднимался ветер, и Надя выкрутила громкость телефона на максимум, благодаря чему я тоже неплохо слышал её маму.

– Мам, привет.

– Ну привет.

Я с интересом поднял бровь.

– Мамуль, у нас всё хорошо, сидим в парке.

– Очень рада, что тебе весело.

Сказано это было с такой желчью, что я засомневался: не померещилось ли мне? Уже позже я узнал, что накануне дня рождения состоялся скандал: мама хотела, чтобы Надя посвятила весь день сбору вещей – завтра они на неделю уезжали к родственникам в Симферополь.

На Надино лицо легла печать страха перед следующим шагом.

– Мы собираемся вечером в кино.

– Ага, ещё и кино. Ты совсем обнаглела?

Она не повышала голос, а наоборот, говорила вкрадчиво, со сдерживаемой злобой. Это составляло такой контраст с Надей – невинной и ещё недавно такой счастливой – что поверить в реальность происходящего было трудно. Некоторое время Надя молчала, а потом мучительно выговорила:

– Мама, я ведь уже почти всё собрала... И Миша меня проводит...

– Надеюсь, ты закончила с этим представлением.

Из глаз Нади тихо покатались слёзы, а я почувствовал, как закипает внутри злость.

– Мама...

Из трубки слышались гудки. Надя потерянно смотрела на экран телефона. Я же пребывал в полнейшем недоумении и ждал, когда она хоть как-то разъяснит происходящее. Довольно долго Надя не двигалась, и вдруг её плечи затряслись. Я подскочил ближе и заключил Надю в объятия, мягко опустив её руку с телефоном. Некоторое время я просто гладил её по голове, шепча:

– Ну тихо, тихо... Всё хорошо...

Спустя пять минут она смогла разъяснить мне суть конфликта – кое-как, запинаясь и часто делая паузы. Мне осознать проблему было сложно: родители давно уже не отдавали мне приказов.

– Милая, если я ничего не забыл, ты уже совершеннолетняя. Тебе не кажется, что это хороший повод самостоятельно решить, как провести время?

– Я не могу.

– Почему?

– Я не могу так поступить с мамой, она волнуется.

– Интересно она это проявляет.

– Давай не будем об этом.

– Ну хорошо, и что дальше? Мы не пойдём в кино из-за того, что тебе нужно собирать вещи для недельной поездки?

– Я уже собрала их.

– Отлично, тогда пошли.

– Мишенька, мы ещё ходим в кино. Спасибо тебе большое за этот день.

Надя уткнулась мне в плечо, и из её глаз снова полились слёзы. Если поведение её матери вызвало у меня ярость, то поведение самой Нади – огромную досаду, смешанную с раздражением. У неё была отличная возможность отказаться исполнять ультимативные приказы – на мой взгляд, она ничем не рисковала. Но что-то сдерживало её.

– А у отца нельзя отпроситься?

– Нет. Прости, я не хочу об этом говорить.

Мне пришлось умолкнуть: завершение дня рождения и без того получалось неважным, и нужно было по возможности сгладить Надину грусть, а не усиливать её. Я принялся убеждать её, что кино – ерунда, не очень-то и хотелось. Вскоре мы распрощались с друзьями и вдвоём отправились к Надиному дому на такси. Она хотела успеть до десяти, чтобы не расстраивать маму, поэтому поминутно поглядывала на часы и невероятно нервничала. Мне пришлось сделать несколько глубоких вдохов и выдохов, чтобы совладать с раздражением.

– Милая, расслабься.

Я провёл по её руке, но она лишь напряжённо проговорила:

– Десять минут осталось.

Я уткнулся в окно.

Без семи минут мы были на месте. Открыть для Нади дверь такси я не успел – она выскочила сама. Мы вместе подошли к подъезду. Я мечтал хотя бы несколько минут постоять в обнимку: нам предстояла недельная разлука.

– Спасибо тебе ещё раз! – она быстро поцеловала меня в губы и попыталась высвободить руку.

– Надя, в чём дело? – второй рукой я обнял её за талию. – Куда ты так бежишь? Мы же успели.

– Прости меня, пожалуйста, но уже почти десять. Я тоже очень хотела бы провести с тобой больше времени!

– Так почему нет?

– Я обещала маме.

– Не припомню.

– Прости меня, Мишенька, – она ещё раз поцеловала меня, подбежала к двери и нервно набрала код. Я еле успел открыть перед ней тяжёлую дверь. Мне хотелось сказать ещё что-то, но я не знал, что именно.

– Пока! – напряжение в её голосе уже было столь сильно, что даже несколько пугало. Я кивнул, и Надя скрылась внутри.

* * *

Чем дольше я общался с Надей, тем больше узнавал о её матери – как от самой Нади, так и становясь свидетелем их общения. Галина Фадеева работала финансовым директором в крупной строительной фирме и, по словам Нади, приносила в семью большую часть денег. По мнению Галины, с Надей всё было не так: школьные оценки недостаточно хороши, фигура нескладна, мысли и мечты – примитивны. Стиль одежды Нади она характеризовала не иначе, как «колхозный». Успехи её Галина принижала, а неудачи – преувеличивала. Единственным спасением для пропащей дочери она считала постоянную тяжёлую работу над собой, направления которой задавала сама Галина.

Надя пыталась соответствовать данному посылу. Не давая себе поблажек, она трудилась, чтобы стать отличницей в школе – и ей это удалось. Она работала по дому: убирала, стирала, гладила, готовила. Все старания Нади были направлены на одно: заслужить, наконец, признание матери, что она – хорошая девочка. Но Галина почти не замечала этих усилий, а любой результат вызывал лишь град упрёков.

Со временем Надя стала стараться меньше попадаться матери на глаза, чтобы давать меньше поводов для претензий. Она научилась воспринимать упреки отстранённо и не показывать обиды. Галина заявляла, что от Нади всё отскакивает, как от стенки горох, что ей наплевать на заботу. На самом же деле претензии глубоко уязвляли Надю, и она переживала в одиночестве или рядом со мной. Сколько бы я или другие люди ни хвалили её, отмечая многочисленные достоинства, в ней оставались неуверенность и тревога, порождённые заявлениями матери: «С тобой всё не так, у тебя ничего не получается».

Летом 2011-го Надя начала оставаться на ночь у меня дома. Наши совместные вечера были спокойными и счастливыми: Надя нарезала фрукты и ягоды в большую зелёную миску, и мы ели их вместе, смотря очередной фильм. Задумчиво поводя носом, Надя придумывала, какой вкусный напиток можно сделать, используя ингредиенты из моего холодильника. Чего-то не хватало, и я бегал в магазин за мятой, мороженым и ликёрами, а Надя смешивала ледяные и сладкие коктейли. Она купила масло для кожи, и я делал ей массаж – без профессиональных

навыков, зато старательно. Проводя пальцами по её нежным рукам, вытянутым вдоль тела, я чувствовал её полное доверие и целовал её шею пониже затылка.

Ночи с Надей были прекрасны. Впервые секс стал для меня продолжением чувства. Встречаясь с Надей после разлуки, пусть даже короткой, я совершенно терял голову от её запаха.

На очередной нашей встрече Надя была необычайно тиха и расстроена. С трудом я добился от неё объяснения, что же произошло.

– Ты же понимаешь, что ты дешёвка. Смирилась? – спросила Галина, когда Надя вернулась домой после ночёвки у меня. Пока Надя молчала, стараясь справиться с оскорблением, буквально оглушившим её, Галина продолжала:

– Когда твой Миша наиграется и выбросит – ко мне плакаться прибежишь?

Обвинение звучало абсурдно, и Надя постаралась взять себя в руки и призвать на помощь логику.

– Мам, зачем ты так говоришь? Ты его не знаешь.

– Я знаю мужчин – в отличие от тебя, я уже пожила на свете. Но, разумеется, ты у нас считаешь себя самой умной.

– Не считаю.

– Тогда послушай меня. Пока ты такая доступная – мягко говоря, как понимаешь, – мужчины и относиться к тебе будут соответствующе.

Я обнимал и гладил по спине Надю, уткнувшуюся мне в грудь, и ярость вскипала внутри меня, грозя прорваться наружу.

– Малыш... – мой голос прозвучал до того хрипло, что мне пришлось сделать паузу, выдохнуть и продолжить уже спокойно. – Малыш, почему бы тебе не переехать ко мне?

Надо заметить, предложение это было для меня весьма серьёзным. Однушка – не бог весть какая жилплощадь, и в одиночестве мне было очень комфортно, а мы с Надей были ещё очень молоды и встречались недолго. Однако оставить её наедине с подобным обращением было бы гораздо хуже.

– Спасибо тебе, – она прижалась крепче. – Но после такого мама вообще решит, что мне наплевать на неё, и не простит.

– А сейчас, что ли, всё в порядке?! Наденька, на мой взгляд, то, что ты описываешь, – настоящее оскорбление. Я не считаю, что с этим стоит мириться.

– Она любит меня и хочет защитить.

Мои принципы требовали одного: не вступая в переговоры, ударить по врагу всеми имеющимися средствами. Наде нужно было собрать вещи и документы и переехать ко мне, а мне – не подпускать её мать и близко, пока не научится вести себя нормально. Юридически она не имела рычагов давления на совершеннолетнюю дочь. А деньги я готов был зарабатывать. Много ли их надо, когда есть жильё?

Но всё было не так просто. Надя – не я. Она не пошла бы на подобный поступок в отношении мамы. Помимо прочего, я понимал, что этот путь серьёзно повышает ставки. Что будет, если мы с Надей поссоримся, расстанемся? Ей уже не так просто будет вернуться в семью.

– Может быть, проблема в том, что твоя мама меня не знает? – предположил я. – Наверно, у неё в голове сложился какой-то образ, и она пытается по-своему оградить тебя от беды. Давай встретимся все вместе и просто пообщаемся?

Пытаться помириться в такой ситуации – для меня это был нонсенс. Если моё предложение поселиться вместе значило много, то это – гораздо больше.

– Спасибо, Миша, я подумаю.

– А тебя что-то смущает?

– Не уверена, что мама этого захочет.

– Ладно, подумай. Захочет или нет – можно проверить. Если что, я готов.

Поняв, что Надя не перестанет видаться со мной, как и оставаться на ночь, Галина перешла к новой тактике.

– Куда идёшь?

– К Мише.

Галина молчала, всем видом показывая, что смирилась с участью пропащей дочери.

– Мамуль, мы с ним не виделись уже почти неделю. Ты обижаешься?

– Какая тебе разница, что я чувствую? Ты своё отношение уже показала.

Когда Надя обувалась и говорила «пока, мама», Галина отвечала:

– Пока? Странно, что ты хотя бы попрощалась, я ведь для тебя пустое место.

Надя не переехала ко мне и не организовала знакомство с Галиной. Вместо этого она вновь и вновь пыталась наладить нормальное общение с матерью, призывая на помощь участие и заботу, и идея эта становилась навязчивой. Очередной её попыткой было приглашение на выставку, посвящённую свету и оптическим иллюзиям.

– Зря тратишь на меня время, – сказала Галина. – То, что я старая и давно никому не нужна, понятно и без этих потуг.

– Ты же знаешь, что это не так. Ты нужна мне.

– Да ладно, не трудись. Квартиру я всё равно тебе завещаю.

Надя была шокирована. Я – нет.

После таких происшествий мне приходилось подолгу успокаивать её. Во мне бушевала злость, но, чтобы не заставлять Надю нервничать ещё больше, я сохранял внешнее спокойствие. Ценой больших усилий мне удавалось утешить Надю, но ненадолго. Вскоре на её лице вновь отражалось самоотверженное страдание: приходила пора возвращаться домой под пресс матери.

* * *

Некоторое время я недоумевал, как Надин отец позволяет жене такое поведение. Они жили втроём, и Надя тепло отзывалась об отце, но на мои расспросы о его роли в конфликте – немедленно замыкалась.

Сменив тактику, я стал расспрашивать об её отце как о личности, и здесь Наде было что рассказать. Юрий Фадеев был малоизвестным московским художником-пейзажистом. Круг людей, знакомых с его творчеством, ограничивался друзьями и постоянными покупателями, но он и не гнался за славой. Юрий был мягким и неконфликтным человеком, предпочитавшим уединение и спокойствие. Он любил работать на природе, а когда не было вдохновения, мог долгое время не прикасаться к кистям.

После десятидневного путешествия по Украине, включавшего тот самый треккинг в Карпатах, мы с Надей через Киев возвращались в Москву, и Юрий на машине встретил нас в Шереметьево. Это была наша первая встреча. Юрий оказался просто огромным – под два метра – и довольно тучным мужчиной. Лицо его производило странное впечатление: оно было плоским и имело слегка желтоватый оттенок, при этом все его черты проявляли удивительную подвижность, как будто он не мог определиться, какую эмоцию выразить. Белёные брови почти не выделялись на фоне лица, а глаза были ясно-серыми – сразу стало понятно, от кого Надя унаследовала этот цвет.

Заметив нас, Юрий взволнованно двинулся навстречу. Он не видел Надю в течение приличного срока, а меня – вообще никогда. Когда его взгляд обратился к Наде, то лицо озарилось тёплой и слегка виноватой улыбкой. Но и в эти моменты оно не полностью освобождалось от смущения и робости, которые совершенно явственно проявлялись, когда он смотрел на меня. Я ответил сухим взглядом, и Юрий засомневался ещё больше. Когда мы подошли вплотную, он буквально заметался: к кому двинуться? Мне внезапно подумалось, что это был момент истины: чтобы проявить характер, Юрий должен был обнять дочь, которую не видел так долго, а потом уже спокойно познакомиться со мной.

И вот он сделал шажок, больше похожий на прыжок, ко мне и протянул руку. Я пожал его ладонь и удивился тому, как странно она была согнута в пригоршню.

– Папа! – Надя обвила его обеими руками.

Лишь когда Юрий неловко гладил её по спине, лицо его наконец разгладилось, а улыбка из виноватой стала попросту робкой, но искренней. Я подумал, что у этого человека не было и шанса защитить Надю от Галины.

Забегая вперёд, к тем временам, когда я уже увидел Надиных родителей вместе, а она – понемногу и с большим трудом – рассказала мне больше об их отношениях, могу сказать, что предположения мои подтвердились лишь частично. Юрий действительно не мог сражаться с Галиной, но он не был сторонним сочувствующим наблюдателем, как представлялось мне в Шереметьеве. Нет, он был ещё одной стороной – не просто заинтересованной, а страдающей. Мне неизвестно, в чём измеряются страдания, и я не мог бы сказать, кто испытал их больше – Надя или Юрий, но однозначно можно было сказать: страдания Юрия продлились существенно дольше.

Жена презирала его и старалась держать под полным контролем. Находясь рядом с ней, он постоянно неосознанно вжимал голову в плечи. Гром мог грянуть в любую секунду и по любому поводу, но были и излюбленные темы. Галина считала Юрия никчёмным человеком, который ничего не добился и не добьётся: ведь он не хочет, не может, ему не везёт, и поделом. Она часто напоминала, что это она кормит семью, и муж должен быть благодарен ей по гроб. Давала указания: положить новую плитку, заточить ножи, повесить в коридоре картину, которую она купила на выставке, – не картину Юрия, конечно. Он покорно брался за все дела, но любой результат вызывал только насмешки. Галина начинала демонстративно и в пику непутёвому мужу переделывать всё заново, а он старался при любой возможности уйти из дома, чтобы хоть ненадолго вздохнуть свободнее.

Со временем агрессия Галины ещё более, чем обычно бывает, сплотила Надю с отцом. Надя ценила дни, когда им удавалось побыть вдвоём. Ей нравились картины отца, а его успехи в их продаже интересовали её мало. Гораздо важнее было то, что папа любит её. Чем сильнее Галина старалась удержать тотальный контроль над семьёй, тем больше эти творческие люди тянулись друг к другу, ограждаясь от агрессии.

* * *

Мы с Надей тоже сближались. За Карпатами последовали многие другие путешествия: мы катались на сноубордах в Болгарии и Андорре, карабкались по горам в Польше и на Кавказе, топтали брусчатку в Париже, Киеве, Кракове и Таллине. В августе 2013-го мы поднялись на канатной дороге на вершину Каспровы-Верх в Западных Татрах, намереваясь спуститься оттуда пешком, и оказались на пронизывающем ледяном ветру. Табло на станции показало нам температуру ноль – это при двадцати градусах внизу. Именно здесь нам пришлось делать для курток подкладку из дождевиков, чтобы не околеть от холода. Именно здесь, прячась от ветра за горным хребтом – уже на территории Словакии, – я признался Наде в любви.

Наши путешествия были полны приключений и взаимной заботы, но их цена также оказалась весьма высока, и речь не о деньгах. Надины чувство ответственности и страх ошибки были невероятны, и планирование оказалось для неё столь серьёзным делом, что меня это пугало. Я шутил, что после такой подготовки Наде можно было уже никуда не ехать: она наперёд знала каждый наш шаг. Перелёты и жильё – базовая вещь, но она знала каждый автобус, электричку и маршрутку, благодаря онлайн-просмотру улиц неплохо ориентировалась во всех городах, которые лежали на нашем пути, и могла провести экскурсию по местным достопримечательностям. В её телефоне была энциклопедия расписаний, карт и полезных контактов.

При планировании поездки многие аспекты динамично меняются: взять хотя бы цены на билеты или свободные места в гостиницах. Надя пыталась не только организовать каждый этап, но и конечную сборку сделать наиболее оптимальной. Она тратила массу времени, состав-

ля огромные таблицы, включающие принципиально разные маршруты. Естественно, стоило нам выбрать один из вариантов, как оказывалось, что какая-то его часть уже недоступна – не осталось билетов или мест – или подорожала. Надя начинала страшно переживать. Ей казалось, что лишние траты – её вина, и она начинала судорожно перестраивать планы, а в это время менялись другие отрезки пути, и вся таблица разъезжалась по швам. Прекращал это обыкновенно я, тыкая пальцем в один из маршрутов и заявляя: берём билеты.

– Ты такой смелый! – заявила она, когда я свернул до одного варианта её таблицу из двадцати строк и в следующие десять минут купил билеты в Чехию.

– О да, об этом подвиге сложат легенды.

Калькулятор в Надиной голове проявлялся не только при планировании путешествий, но и в повседневной жизни. Каждую покупку она старалась сделать максимально выгодной, несмотря на то, что выигрыш мог быть мизерным, а в деньгах мы недостатка не испытывали. Все эти метания и нерешительность перед любой тратой изрядно действовали мне на нервы.

* * *

Постоянное нервное напряжение, похоже, было частью Надиной личности. Она оказалась помешана на чистоте и гигиене. То, как часто и тщательно она мыла руки, не слишком бросалось в глаза, но вот мытьё посуды уже составляло серьёзную проблему. Каждая тарелка отбирала минуты по четыре: Надя, казалось, старалась отмыть её до полного исчезновения из этой вселенной. С тоской смотря, как она по десятому разу наносит средство на зеркально чистую поверхность, я просто целовал её в затылок и мягко оттеснял от раковины.

Начало сентября 2013-го подарило нам довольно прохладную субботу. На улицу идти не хотелось, потому решено было смешать коктейли, а потом вместе забраться в горячую ванну. Первое, что было необходимо – стаканы! В раковине царили ад и погибель, а после пары неудачных попыток я решил больше не подпускать Надю к мытью посуды, поэтому отправился на этот бой сам. Надя же вызвалась почистить ванну. Под музыку в наушниках намывая посуду и выставляя её на стол, я отдался своим мыслям и на время забыл обо всём. Лишь спустя минут двадцать я вышел в комнату, рассчитывая найти Надю там, но в комнате было пусто. Открыв дверь в ванную, я моментально закашлялся. Надя в облаке из порошковой пыли натирала белоснежную ванну щёткой, с усилием орудуя двумя руками. Лицо её было красным и выражало мучение вперемешку с упорством. Пора было вмешаться.

* * *

Совместные трапезы вызывали у меня печаль количеством переведённой еды: стоило Наде заметить на еде соринку размером в нанометр, как она вырезала вокруг неё десятисантиметровый кусок и отправляла его в мусор. Я старался не вступать в споры на эти темы, чтобы самому не погрязнуть в бытовухе, однако же вовсе не замечать подобное было невозможно.

Надя не могла просто запереть дверь – ей нужно было обязательно дёрнуть ручку, чтобы проверить, что дверь заперта. Вначале я просто смеялся над этим, и она в той или иной степени поддерживала мои шутки, но в один прекрасный день я решил настоять на том, чтобы эта проверка была пропущена – в конце концов, покидали мы мою квартиру. Когда она повернула ключ в замке, я мягко взял её руки в свои и улыбнулся:

– Давай теперь просто пойдём.

То, что произошло дальше, стало для меня полной неожиданностью. Вначале Надя просто заволновалась, сказав: «Давай всё-таки проверим», но когда я продолжил стоять на своём, она едва не разрыдалась.

– Там твой подарок!

– О чём ты?

– Картина.

Я подарил Наде картину с лошадьми, которая теперь стояла у изголовья нашей кровати.

– Ну и что?

– Я боюсь за них.

– Дорогая, мне тоже нравятся лошадки. Но это всего лишь картина. И дверь закрыта, ты только что сама её заперла.

– Я просто проверю.

Я молча отпустил её руки. Она дёрнула ручку, успокоилась и обняла меня:

– Прости меня, пожалуйста.

– Да я и не обижался...

Меня до глубины души поразило Надино поведение. До сих пор я не придавал большого значения её чрезмерной внимательности к некоторым вещам, но игнорировать подобное было невозможно.

* * *

Несмотря на тревожность Нади и её внешнюю хрупкость, она определённо обладала сильным и упрямым характером. Это ярко проявилось в одиннадцатом классе, незадолго до того как мы начали встречаться. Именно тогда ребром встал вопрос выбора специальности, и коса «родительской заботы» Галины внезапно нашла на камень. Галина хотела, чтобы Надя пошла учиться на финансиста, а Надю интересовало рисование. Галина приводила доводы: «посмотри, кто приносит деньги в семью», «рисованием ты сможешь заниматься потом, как хобби», «ты хочешь быть содержанкой у богатого мужика или иметь нормальную профессию?». Под раздачу попал Юрий, которого Галина приводила как пример художника-неудачника, сидящего на шее у самоотверженной жены. Она увещевала: на какие деньги Надя будет снимать квартиру, покупать еду, путешествовать? Ведь родители не собираются вечно быть спонсорами. Она плакала, говоря, что желает Наде лучшей жизни, и упрашивала прислушаться к её совету.

Давление продолжалось месяцами. Юрий не пытался вмешаться, обыкновенно слушая доводы жены с опущенным взглядом. Надя отмалчивалась, но начала готовиться к поступлению на кафедру рисунка и живописи в Политех⁵. Летом, как раз перед путешествием в Карпаты, она более-менее успешно сдала ЕГЭ и внутренние экзамены. Для поступления на рисунок и живопись баллов не хватило, зато хватило на промышленный дизайн – бюджетное место. Надя подала документы.

* * *

Невероятная ответственность и страх ошибиться хоть в чём-то в полной мере развернулись во время учёбы. Теперь каждый приближающийся экзамен полностью отбирал у меня Надю: она старалась выучить предмет безупречно и постоянно нервничала. Однокурсники её в то же время плевали в потолок и сохраняли шпаргалки на телефон. Конечно, многие всё же готовились по-настоящему, но никто больше не воспринимал экзамены столь болезненно серьёзно.

На втором курсе Надя начала подрабатывать фрилансом: разрабатывала логотипы, фирменный стиль, рекламные листовки... У неё были отличные способности, но нервозность и здесь не давала о себе забыть. Претензии клиентов, даже необоснованные, сильно задевали Надю, и пока очередной заказ не был сдан и оплачен, она не могла успокоиться, даже если времени на работу оставалось полным-полно.

Немало впечатлила меня покупка Надей планшета для работы. Две недели она составляла сравнительную таблицу, куда попали предложения со всего интернета.

– Хорошая моя, может, хватит убивать время на эту чепуху? Уже можно было выполнить пару заказов и купить два планшета взамен одного.

Надя обнимала меня и утыкалась мне в грудь. Я гладил её по спине и по голове, целовал мягкие волосы. Казалось, только в эти моменты она была полностью спокойна.

⁵ Московский политехнический университет.

* * *

Удивительная метаморфоза происходила с Надей, когда она садилась рисовать. Она будто погружалась в некое подобие транса: напряжение уходило, лицо разглаживалось, движения становились лёгкими и естественными. Я любил наблюдать за ней в такие моменты. Надя то выглядела отрешённо, то слегка морщила брови, вглядываясь в какую-то деталь рисунка. Хотелось легко обнять её хрупкие плечи, укрывая от малейшего ветерка, но я не смел отвлекать её от работы.

Смотря на картины в процессе работы, я редко мог угадать конечный замысел, а если и угадывал, то результат всё равно в чём-то да расходился с моими ожиданиями. Я видел геометрические фигуры: что ж, это было так, но в итоге они образовывали лицо. Я видел комнату: комната и получалась, но в полу оказывалась дыра в самое настоящее небо. Иногда рисунок вовсе выглядел как пятно разлитой краски и случайные мазки. До последнего момента невозможно было догадаться, что получится в итоге. И лишь когда работа была закончена, я вглядывался и понимал, что это корабль с закруглённым носом и надутыми парусами несётся по тёмным облакам, подгоняемый сиреневым ветром.

* * *

В красивой сказке о любви мы с Надей были бы счастливы: её вдохновенного творчества и трогательной ранимости оказалось бы вполне достаточно. Только вот в жизни всё куда прозаичнее, и творчество составляет меньшую её часть, тогда как быт – большую. Будни наши в основном были наполнены не вдохновением и лёгкостью, а чёрной и неотступной тревогой. Нервозность Нади буквально вытягивала из меня позитив, и жизнь понемногу окрашивалась в депрессивные краски.

В начале каждой нашей встречи Надя была поглощена переживаниями, и мне приходилось расспрашивать её об очередных проблемах, а затем – долго и упорно успокаивать. Эти разговоры давались мне тяжело, но всё же нашлось кое-что, что давило гораздо сильнее.

Как и все люди, мы часто сталкивались с неопределённостью. Допустим, путешествие содержало участок, который невозможно было спланировать досконально: отсутствовали расписания автобусов или сами автобусы, предстояло на месте разбираться с транспортом или жильём. Во мне начинали ворочаться страхи, присущие мне с детства – перед риском, ненадёжностью, отсутствием комфорта. Несмотря на то что слабости были до сих пор живы, я достаточно успешно боролся с ними, не давая им прохода и не устаивая их вниманием. Определённо, борьба эта требовала усилий, но это была необходимая цена за достойное поведение.

Так вот, Надя разделяла те же слабости, только в существенно большей мере. Тот самый участок маршрута вызывал у неё не просто тревожный звоночек внутри, а натуральную панику. Она начинала немедленно озвучивать свои опасения, придумывая самые невероятные варианты провала, которые могли с нами произойти. Вдруг нам не попадётся ни одной машины, и мы будем вынуждены ночевать в поле – без спальников и палатки? Кто защитит нас в Грузии, разорвавшей дипотношения с Россией, в случае грабежа или конфликта с местными? Что будет в случае аппендицита в Азии, где на огромных территориях нет ни нормальных больниц, ни аптек?

Естественно, чтобы в итоге мы сдвинулись с места, мне нужно было спокойно и планомерно развеять каждое опасение, пошутить над трудностями и успокоить Надю. Если бы сам я относился к трудностям легко и не испытывал сомнений, то подобные беседы скорее всего давались бы мне без особого труда и вызывали не более чем досаду. Однако Надя озвучивала и культивировала *мои же собственные* страхи, которые вольготно разворачивались, раскрывая свои щупальца.

Надины предположения, многократно драматизированные, начинали казаться не такими уж невозможными, а голосок внутри нашёптывал: вдруг она права? Теперь мне приходилось не просто давить страх в зародыше, а сражаться с ним широким фронтом. Одно дело – заточить

спрута в колодец и изредка бить по башке, чтоб не высывался. И совсем другое – выпустить его на волю, позволить размножиться, расползтись по округе и насесть со всех сторон – и уж тогда пытаться победить в тяжёлом бою.

Мои усилия возросли стократ, а позитивный настрой вскоре стал достоянием истории – его заменила постоянная изнуряющая борьба с нашими с Надей общими слабостями. Результатом каждого сражения в лучшем случае являлось то, что Надя приходила в состояние относительного спокойствия, которое сохранялось до появления на горизонте следующей трудности.

Но никакие мои усилия не могли создать у неё позитивного настроения по отношению к препятствиям, столь необходимого, на мой взгляд, для счастливой жизни. Её будто придавливала бетонная плита, которую она пыталась удержать ценой немыслимых усилий, вместо того чтобы просто отойти в сторону, где раскинулось поле. Теперь же я встал рядом, приняв существенную часть этой тяжести на себя.

* * *

Мои собственные заботы тем временем выглядели весьма приземлённо. В зале бокса в Бауманке каждый год проходили «открытые ринги» – здесь все любители могли поучаствовать в поединках. Я занимался уже несколько лет и поэтому решил проверить себя в бою. Всё прошло неплохо – пару боёв я выиграл, пару проиграл. Нельзя было сказать, что внутренние барьеры исчезли – с сильнейшим противником я всё же зажимался. Но возникла новая проблема. Чем выше становился мой уровень, тем сильнее оказывались удары, которые наносили мои противники. После некоторых боёв на открытых рингах голова гудела почти целый день. То, что это были отнюдь не шутки, становилось понятно при общении с нашими тренерами: их было несколько и разных возрастов, но все, как на подбор, туго соображали и ничего не могли запомнить. Хотя бокс мне нравился, нельзя было отрицать, что он представлял угрозу для моей головы, которой я весьма дорожил. После третьего курса я покинул секцию.

Зимой я по-прежнему катался на сноуборде, за сезон совершая по паре поездок на различные курорты, а летом – бегал и занимался в тренажёрном зале. Вызовы собственному страху не исчезли из моей жизни: оставались трамплины и целина. Время от времени я пробовал что-нибудь новенькое, вроде прыжков на вейкборде. Преодолевать себя приходилось, но ни дёски, ни гантели не пытались меня избить, и сладить с ними было куда проще. Окружающие уважали меня и мои достижения, среди мужчин я часто оказывался лидером и всегда – полноправным членом коллектива. Девушки нередко восхищались моими поступками. Иногда мне доводилось вступать в словесные перепалки, но отвечал я уверенно и с позиции сильного, что заставляло противников отступать. Чем больше времени проходило, тем с большим трудом мне верилось, что страх ещё способен когда-либо подчинить меня себе. По прошествии года я практически забыл о нём думать.

* * *

Учёба давалась мне не слишком трудно, но серьёзно раздражала обилием лишнего материала. Со второго курса я начал прогуливать предметы, которые считал ненужными. При этом я занимался сам, изучая язык программирования «1С», и к двадцати годам уже начал неплохо зарабатывать, выполняя небольшие заказы. Кроме того, в 2013-м мы с другом основали свой бизнес по организации мероприятий, который постепенно развивался. У меня были друзья, прекрасная девушка, интересная работа и деньги на путешествия по миру: внешне моя жизнь представляла собой настоящую сказку. Тем не менее, в ней не хватало кое-чего очень важного, и с каждым днём во мне всё сильнее разгоралось жгучее раздражение.

3

В июне 2015-го мы с Надей отправились в очередное путешествие – на этот раз в немецкую Баварию. Мы долетели до Мюнхена, затем на электричке добрались до центрального вокзала, откуда отходил наш поезд. Я с трудом взгромоздил чемоданы на полку для багажа, и мы уселись – Надя у окна, я рядом. Здесь было прохладно и пахло кондиционером. Городские окраины за окном постепенно сменились полями и аккуратными немецкими деревеньками. Во всём были видны чистота и педантичность, доходящие до абсурда. Сложно было поверить, что сельская местность может выглядеть настолько прилизанной, а домики – построены для жизни самых обычных людей. Выглядели они, словно игрушки: двери были увешаны замысловатыми украшениями, а резные заборчики – бесконечными кадками с цветами. Волны цветов опоясывали дома, сталкивались друг с другом, поднимались на крыши, закручивались вокруг окон.

Помимо замысловатости и упорядоченности, пейзаж, однако, отличался однообразием. Кажется, каждый хозяин дома и каждая деревенька в целом хотели чем-то выделиться, но идеи эти ходили вокруг одного и того же – украшений домов и садиков, и вскоре мне наскучило их разглядывать. Я переключил внимание на девушку, сидящую наискосок – с другой стороны прохода. Короткие русые волосы, немного вздёрнутый нос, кофейная кофточка и джинсы. Карие глаза смотрели серьёзно и внимательно – в книгу. Я наклонился, чтобы разглядеть название, но девушка вдруг опустила книгу, посмотрела на меня и улыбнулась. Чуть замешкавшись, я улыбнулся в ответ. Секунду мы смотрели друг другу в глаза. Потом я достал свою книгу и открыл её.

Моё сердцебиение слегка участилось. Я прикрыл глаза и позволил себе немного помечтать.

Вот я сажусь напротив. «Мне нравится твоя причёска, а также – улыбаюсь – шея». «А что в ней такого особенного?» «Да не знаю, просто вся ты такая серьёзная, а шея нежная. Хрупкая. Ну да хватит об этом, давай по существу!» Смеёмся. «Экономика, серьёзно? И архитектура? Это как сочетается вообще? Ну, мне-то нравится архитектура, конечно, хоть и не настолько... Ну да, естественно, в Москве полным-полно уникальных зданий...»

Я открыл глаза. Девушка смотрела в книгу, Надя – в окно. До пересадки во Фрайлассинге оставался ещё час.

* * *

В Берхтесгадене на платформе нас встретила бойкая старушка по имени фрау Клара, ни слова не понимавшая по-английски и лихо рулившая синеньким «Опелем». Пока он петлял по улочкам, забираясь всё выше, она без умолку болтала по-немецки. Из её речи мы понимали в лучшем случае некоторые слова и совместными усилиями пытались составить приемлемые ответы.

Рядом с главной дорогой протянулась первая линия домов, затем строения взбирались в гору, в конце концов оставляя эти попытки – дальше крутой склон укрывала лишь сочная трава. На вершине, на небольшом плато, в окружении домиков возвышался костёл. Наш дом укрепился в самом начале этого склона и был похож на те, что мы видели по дороге: четыре этажа, деревянное крыльцо и украшенные резьбой стены.

Пригибая голову, мы вскарабкались по узкой и крутой деревянной лестнице – я старался не сверзиться отсюда вместе с двумя чемоданами, что неминуемо привело бы к разрушению этого дружелюбного поселения.

Нам досталась комната прямо под скатной крышей. Балкон был увешан кадками с розово-белыми цветами. Надя распахнула стеклянные двери, и в комнату ворвался цветочный аромат. Городские кварталы, убежавшие от нас, вскоре сменялись лесом, а за ним – уже

так близко! – вздымались к небу ледяные пики, ослепительно пылающие в солнечных лучах. Их древность и безупречность вдруг сделали ликование цветов сиюминутным, едва ли не безрассудным, но оттого ещё более жгучим.

Фрау Клара выдала нам последние наставления, некоторые из которых мы даже поняли, и ушла. Я упал на кровать спиной, закинув руки за голову. Полежать мне довелось не дольше пары секунд: отвернувшись к стене, Надя плакала. Я вскочил и осторожно обнял её сзади за плечи:

– Милая, что случилось?

– Ничего, – она слегка повела плечами, сбрасывая мои руки, и вышла на балкон, опёршись на резную ограду. Ветер распушил её мягкие волосы.

– Наденька, давай поговорим.

Она вытерла глаза рукавом и повернулась ко мне, чуть опустив голову.

– В поезде ты хотел говорить не со мной! Я чувствовала себя третьей лишней с вами.

Я был поражён.

– Что?.. Ты про девушку напротив, что ли?

Надя снова отвернулась.

– Ну что ты придумываешь, моя хорошая? Я вроде бы хотел разглядеть обложку её книги... – я замешкался. – Потом заметил, что она на меня смотрит, но зачем – без понятия. И сам стал читать. Ты от чего плачешь-то вообще?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.